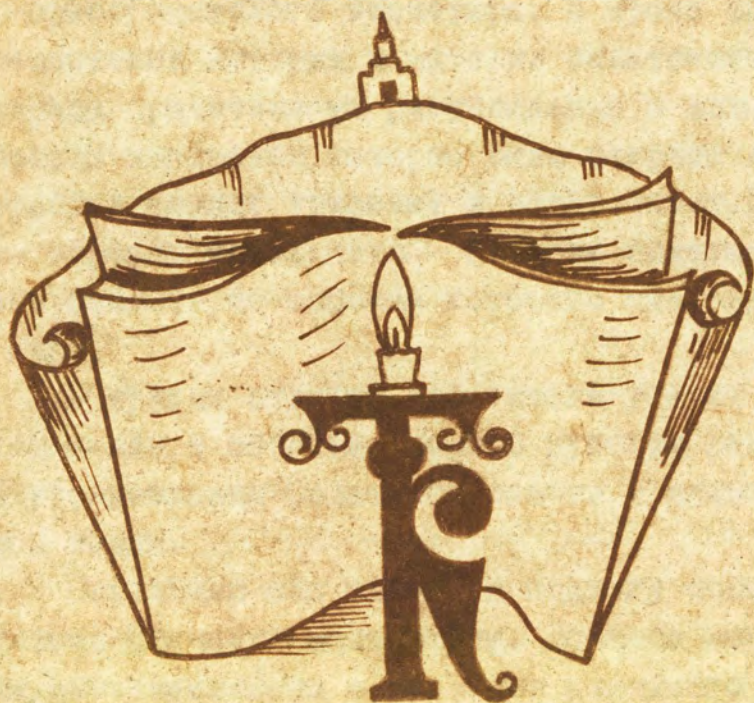


# ТАГИЛЬСКИЙ КРАЕВЕД



№ 6

октябрь - декабрь  
1989 г.



Окрестности санатория "Рущи"

Фото А. П. Рыжова.

*Магильский  
краевед*

*№ 6*

*октябрь-декабрь*

*1989 г.*

М.С.Сироткина

## П О К А М Е

Сбылась моя мечта: я купила на октябрь путевку для поездки от Перми до Астрахани по Каме и Волге.

Первые два дня туристы познакомились с Пермью. Я зашла в краеведческий музей, который находится в здании бывшего Спасо-Преображенского монастыря. В музее три отдела: природы, досоветской истории и истории советского общества. В отделе природы представлены растительный и животный мир Прикамья, образцы минералов, которые были открыты впервые в мире на Пермской земле: уваровит и волконскоит. В витринах разноцветные образцы сильвинита – главное подземное богатство Пермской области, по запасам которого она занимает первое место в мире.

В других отделах посетитель узнает о жизни народов Камской земли, о событиях первой русской революции 1905–1907 гг., об установлении Советской власти и защите ее в годы гражданской войны.

Отдельный зал посвящен подвигу советского народа в годы Великой Отечественной войны. Большое место отведено материалам, рассказывающим о развитии народного хозяйства в послевоенный период и до наших дней.

На втором этаже музея я увидела небольшой стенд, посвященный истории фотографии в Перми. Я вспомнила наш клуб краеведов и то, что на первом занятии будет доклад И.Т.Коверды о фотографии. Постаралась переписать все, что касалось пермской фотографии, которая отмечала свое 130-летие. Одним из первых фотографов Перми был выходец из крестьян Константин Федорович Чайковский. Фотоателье Чайковского работало с 1855 года вплоть до XX века. Лучшей считалась фотография Морица-Гейнриха в Сибирском переулке.

Мориц Гейнрих – венгерский граф Ротони, он участвовал в революции 1848 года в Австрийской империи, после поражения революции приехал в Россию. После длительных скитаний по стране попал в Пермь, здесь в 1861 году основал фотоателье и

проработал в Перми более четверти века. Старшая из его дочерей была гражданской женой Д.Н.Мамина-Сибиряка, а младшая - вышла замуж за Куприна.

У Морица Гейнриха был ученик А.А.Федоров, который открыл собственное ателье в 1885 году.

С 1860г. на улице Пермской (теперь Кирова) была фотография Степана Васильевича Рылова. Он принимал участие в первой Всероссийской политехнической выставке в Москве 1872г. и был отмечен медалью императорского общества любителей естествознания при Московском университете.

Рядом со Спасо-Преображенским монастырем стоит бывший архиерейский дом, который с 1922г. занимает художественная галерея. В башне размещена коллекция деревянной скульптуры. Эта выставка, по оценке первого Наркома просвещения А.В.Луначарского, "...могла бы служить украшением любого европейского музея". Скульптуры - это деревянные боги с русскими, татарскими, коми-пермяцкими лицами, в том числе распятый Христос.

Побывали мы в Хохловке. Это архитектурно-этнографический музей, филиал Пермского областного краеведческого музея. Он расположен на живописном Камском полуострове в 45 километрах от города. На территорию музея перевезены 13 памятников прикамской деревянной архитектуры XVII-XIX веков. На заповедный холм мы поднимались в ветреную погоду, моросил дождь, было сколько. Трое из экскурсантов вернулись в автобус, а остальные под дождем упорно осматривали постройки: пожарное депо, солеварню, расолоподъемную башню, ветряную мельницу.

На следующий день мы покинули Пермь.

Проплывая по Каме, я открыла для себя красоту камских берегов. Среди темно-зеленых елей выделялись оранжево-красные рябины и осины, ярко-желтые белоствольные березы. У одной листва ярче, у другой потемнее, а где-то в середине видна нежная желто-зеленая полоса.

Башкирский поэт Наджми Назар, одушевляя березы, спрашивал:  
 "... загадочные, словно чудо,  
 Поднявшись на уступы скал,  
 Березы белые, откуда  
 Занесены вы на Урал?

... Великодушные березы,  
 Какой вы нации? Какой?  
 Да никакой.  
 Ведь вы - деревья  
 И радовать должны сердца  
 Тем что чужды высокомерья

Кама берет свое начало в Удмуртии, у деревни Корпушата, проходит длинный путь вдоль западных склонов Урала, описывая дугу и впадает в Волгу. На Каме создано три водохранилища: Воткинское, Камское и Нижне-Камское. За счет их русло реки значительно выпрямилось и стало короче. Сейчас длина Камы 1805 километров.

В 1815 году в Пожве был выстроен первый русский пароход. Регулярное движение пароходов на реке началось с 1846 года. С 1858 года установлено срочное пассажирское сообщение между Пермью и Нижним Новгородом. Около ста лет просуществовала на Каме пароходная линия общества "Самолет".

В 1898 году просторы Камы впервые пересекла стальная магистраль, соединяющая центр России с восточными районами. Летом 1919 года, отступая из Перми, колчаковцы взорвали этот мост. В трудных условиях суровой зимы 1919-1920 годов мост был восстановлен, и 17 февраля 1920 года по нему вновь пошли железнодорожные составы. Через несколько дней было получено постановление, подписанное В.И. Лениным. В нем отмечался трудовой героизм уральцев и предлагалось выдать им денежное вознаграждение. Поэт Владимир Радкевич посвятил этому событию стихи:

"Расскажи мне, пурга колючая,  
Как от огненной той черты  
Отступала контрреволюция  
И рвала за собой мосты.

На февральской Каме  
Обрываясь,  
Кровавая лед,  
Обмороженными руками...  
Поднимали стальной пролет..."

Камский мост часто реконструировался, сейчас по нему движутся железнодорожные составы каждые полторы-две минуты.

Много интересного о прошлом Камы и селений по ее берегам рассказывал культург В.П. Шалагин. Так, туристы узнали, что под дулами береговой артиллерии белогвардейцев благодаря мужеству и находчивости красных матросов из села Гальяны в Сарапул была выведена "баржа смерти".

Сейчас суда, проходящие мимо села, салютуют гудками подвигу отважных моряков.

С волнением слушали рассказ о Красной флотилии, состоявшей из миноносцев и канонерок Балтики под командованием Федора Раскольникова. Особый интерес вызвала судьба малого

корабля "Ваня-коммунист", истории гибели его командира Николая Маркина.

Плывя на теплоходе мимо Елабуги, туристы вглядывались в сосновый бор. Он выглядел таким, каким изображал его на своих картинах И.И.Шишкин. В доме, где жил художник, с 1919 года музей его имени.

Каждый день мы узнавали новое о Камской земле и полюбили приток Волги за разнообразие красот.

Кириллов Виктор Михайлович, кандидат исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории Нижнетагильского государственного педагогического института, сопредседатель и руководитель историко-поисковой группы общества "Мемориал"/Н.Тагил/.



### РЕАБИЛИТАЦИЯ ЖЕРТВ РЕПРЕССИИ И ДВИЖЕНИЕ "МЕМОРИАЛ"

По расчётам историка Роя Медведева, число жертв репрессивной политики сталинизма с конца 20-х по начало 50-х гг. достигло 40 миллионов человек. Процесс реабилитации незаконно осуждённых начался с 1953 г. и был фактически свернут к 1962 г. За это время реабилитировано 500 тысяч человек. А между тем возникает новая форма полавления инакомыслия: психиатрические лечебницы-тюрьмы, и появляются новые сотни жертв.

Реабилитация идёт только в "самиздатовской" литературе, а в партии прекращается борьба против наследия сталинщины и раздувается новый культ. Борьбу за демократические принципы ведут только одиночки, исключительно честные люди, презрительно заклеяемые властями словечком "диссидент".

Январский пленум ЦК КПСС 1987 г. даёт новый официальный толчок процессу реабилитации. Летом 1987 года формируются первые инициативные группы "за увековечивание памяти о жертвах репрессий". Ещё задолго до этого отдельные активисты будущего движения: Д. Драсов/Москва/, В. Ростальный/Чернигов/, Ф. Перченко/Ленинград/, Л. Кушнер/Куйбышев/ и другие - собрали данные более чем о 200 тыс. жертв террора.

28 сентября 1987 г. по решению ЦК КПСС создана Комиссия

Политбюро ЦК по вопросам



ных с репрессиями 30-40 и 50-х годов. Работа по реабилитации Комиссией Политбюро начата весьма активно, и восстановлено честное имя многих тысяч людей. Однако процесс реабилитации на местах идёт медленно. Совершенно очевидно, что без активного влияния общественности и её непосредственной помощи официальные органы даже при большом желании завершить процесс реабилитации не смогут.

В 1989 году движение "Мемориал" охватывает более 180 городов СССР. 29 января 1989 года в Москве создано Всесоюзное историко-просветительское общество "Мемориал". Возникает и Уральское общество. 23 марта 1989 года прошла учредительная конференция Нижне-Тагильского городского общества "Мемориал"; а 29 сентября 1989 года оно зарегистрировано исполкомом городского Совета народных депутатов. В члены общества вступило более 70 человек, в его составе сформирована ассоциация репрессированных.

Работа по сбору материала о массовых репрессиях проводится "Мемориалом" на основе сотрудничества с музеями УВД, НТМК, городским краеведческим музеем, госархивом Свердловской области. На историческом факультете НТГУ создана историко-поисковая группа во главе с преподавателями.

На сегодня выявлено более 500 репрессированных граждан Н. Тагила и Пригородного района, начата переписка с родственниками и сбор документального материала. Направлен запрос в областную комиссию по реабилитации по снятию обвинения с 24 граждан. Оказывается материальная помощь репрессированным из фонда добровольных пожертвований. Составлена карта спецпоселений и тюрем Тагиллага. Выявляются места массовых расстрелов и захоронений.

Собран материал и начата работа по реабилитации жертв репрессий 1960-80-х годов. Поддержано требование родственников о реабилитации Морозова В.Ф., который в 1968-70 годах

был преподавателем кафедры политэкономии НТГПИ и осмеллся в годы застоя открыто <sup>с</sup>взывать: "Вся власть Советам!"

Историко-поисковой группой общества подготовлена документальная передвижная экспозиция в память о репрессированных. В дни работы выставки в ЦДК ВЛКСМ проведено 10 вечеров памяти. Начата работа по сбору воспоминаний для "Книги памяти". Перед горисполкомом поставлен вопрос о создании мемориального парка-комплекса.

Общество "Мемориал" активно занимается культурно-просветительской и политической деятельностью, рассматривая их как неразрывное целое. Только на основе полной правды и активных гражданских действий можно восстановить народную память, вытравить из себя рабское тоталитарное сознание и начать создание гуманного общества.



**ФИСКИНД ЭМИЛЬ ЮДОВИЧ**

родился в 1916 году в Кривом Роге Днепропетровской области. Детские и отроческие годы были тяжелыми и сложными. Работать начал в 16 лет на руднике. После рабфака поступил в Харьковский плановый институт, который окончил в 1938 году. Год работал на Харьковском электромеханическом заводе, затем на Криворожском металлургическом.

В 1941 году с заводом эвакуировался в Нижний Тагил. Работал на НТМЗ (сейчас НТМК) в отделе главного энергетика с 1941 года до выхода на пенсию в 1987 году. В течение многих лет читал лекции в городском университете марксизма-ленинизма, в Нижнетагильском филиале УПИ и в обществе "Знание".

С апреля 1944 года член КПСС. Активно участвовал в общественной жизни, сотрудничал в многотиражной газете комбината "Тагильский металлург".

Награжден семью медалями, в том числе "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.", "За трудовую доблесть", "За трудовое отличие". Удостоен звания "Заслуженный ветеран труда НТМК."

Э.Ю.Фискинд

ВЕРА АВГУСТОВНА ЛОТАР-ШЕВЧЕНКО  
1901-1978гг.

Весной 1949 года по улицам Тагила бродила женщина в поисках музыкальной школы. На ней был лоснящийся ватник, стоптанные парусиновые туфли, юбка из грубой ткани. Она обращала на себя внимание, хотя в те послевоенные годы до полного достатка было еще далеко. Достигнув школы по улице Карла Маркса, странная женщина попросила у дежурной разрешения войти и спросила, не может ли она показать ей свободный класс с инструментом.

Сев за пианино, она не сразу опустила руки на клавиши: она их боялась. Десять мучительно долгих лет эти бело-черные брусочки она видела только в воображении. Сильное волнение охватило ее, когда был извлечен первый звук — долгий, тревожный и трепетный. "Надо попробовать, надо попробовать, — стучало в голове. — Возможно, я еще что-то помню". Двести классических вещей, творений величайших композиторов мира, были когда-то в ее музыкальной памяти. Десять лет она вспоминала их, проигрывая пальцами... по столу. Дрожащей рукой она вновь прикоснулась к клавишам, и полились божественные звуки сонат Шопена. Их сменили, наполняя маленькую комнату, мощные аккорды торжественной и печальной музыки Бетховена. Пианистка ничего и никого не видела. Она была в своем далеком прошлом, в мире, который рождала музыка.

Когда звуки смолкли, раздался гром аплодисментов. Это преподаватели и ученики школы собрались у открытой двери класса и, затаив дыхание, слушали необыкновенную музыку, так непохожую на обычно исполняемую в этих стенах. Импровизированный концерт длился час, может быть, два. Уроки были сорваны — никто не спешил в свой класс: ни ученики, ни преподаватели. Первой, на правах хозяйки, к пианистке подошла директор школы Мария Николаевна Машкова. Она расспросила незнакомку: кто она, откуда. Узнав, что музыкальная школа — первый дом в Тагиле, куда эта женщина вошла, Мария Николаевна

приютила ее, обласкала. Так в Тагиле появилась и сразу дала о себе знать знаменитая в прошлом французская пианистка с мировым именем Вера Августовна Лотар-Шевченко.

Позже Вера Августовна рассказала о себе.

Родилась в Париже в семье профессора Сорбонны, энтомолога. Еще в школьные годы она с отцом, который брал ее с собой в экспедиции, объездила многие страны Азии и Африки, была в Австралии.

Мать, испанка по происхождению, была пианисткой.

Вера рано проявила большие способности к музыке. К детским годам относятся ее первые концерты. Впоследствии она получила блестящее музыкальное образование, окончив консерваторию в Париже и Вене.

Как лауреат престижных конкурсов пианистов, выступала во многих столицах мира и крупнейших концертных залах. Ее игру, когда Вера была совсем юной, хвалил Ромен Роллан.

Но все это было в далеком прошлом.

Выйдя замуж за инженера-акустика Шевченко, работника советского торгпредства в Париже, Вера Августовна спустя годы переехала в Ленинград, на место жительства мужа. Но там они жили недолго. Наступил 1937 год... Работа и пребывание во Франции были достаточными мотивами, чтобы обвинить инженера во всех смертных грехах. И его забрали... Его жену, Веру Августовну, отправили на десять лет в лагерь на север Свердловской области, а сына - в детский дом, где он и умер.

Не знаю, какую работу заставляли ее делать в лагере. Сама она никогда об этом не говорила, а спрашивать... Как можно об этом спрашивать? Зачем трогать кровоточащие раны? Да в конечном итоге какая разница, какие каторжные работы она выполняла. Важно, что она все вынесла и снова могла жить и творить. Но все же один свидетель прошлого был - это ее руки! Не утонченные длинные пальчики пианистки, а грубые, натруженные, красные руки человека тяжелого физического труда. Десять лет могут изменить и внешность, и руки человека.

Вере Августовне было запрещено въезжать в столичные города. А так как нигде ни родственников, ни знакомых у нее не было, она попросилась в любой город, где есть музыкальная школа. Так волею случая она оказалась в Нижнем Тагиле.

Без друзей и знакомых, без гроша в кармане тяжело человеку, особенно женщине, особенно с лагерным документом, да еще плохо говорящей по-русски. Мария Николаевна устроила Веру Августовну на полставки в музыкальную школу не педагогом (куда там!), а иллюстратором. Вот мол, дорогие детки, если будете хорошо учиться, то достигните такого же мастерства... В те годы ставка преподавателя в музыкальной школе была мизерная, а полставки — только на хлеб и тарелочку супа.

Кто-то из новых знакомых посоветовал Вере Августовне обратиться в драматический театр. Она туда пришла, села за инструмент, сыграла. Много, бурно. И лирично, тихо, интимно. И победила... Ее приняли концертмейстером. Более того, ей предоставили небольшую изолированную комнату в семье артиста.

Именно в это время я узнал о необыкновенной пианистке от главного режиссера Потика Бориса Осиповича, с которым был близко знаком. В театре мне и довелось впервые услышать игру Веры Августовны. Я, как и все, кто впервые ее слушал, был потрясен ее игрой, хотя слушатель я рядовой, дилетант.

К спектаклям Вера Августовна готовых клавиров не имела и своих записей музыки не вела: ей было недосуг писать ноты. Все строилось на импровизации, возможно, талантливой.

Более близко познакомился с Верой Августовной только в 1952 году, когда мы приобрели пианино. Младший сын в тот год был принят в первый класс музыкальной школы, а к старшему (ему было тринадцать лет) хотелось пригласить учительницу. Вера Августовна жила в доме рядом. И, естественно, выбор пал на нее. К тому времени у нее было не только две работы, но и достаточно учеников: слава о ней разнеслась по всему городу. Хочется сразу сказать, что деньги ее очень мало интересовали. Она к ним относилась как-то небрежно, не потому что их стало много, а потому что она была выше всех земных благ. Кроме самого минимума, ей ничего не надо было. Частенько она была даже без обеда — ей некогда было поесть. К тому же обед еще надо готовить, продукты закупить. Мир музыки был ее родной стихией. Все остальное ее не трогало, не волновало.

Когда мы договаривались об уроках музыки, Вера Августовна задала мне только один вопрос: "Ваш сын способный?" Она не признавала длительного разучивания гамм. Месяца через два после начала занятий (занимались раз в неделю) она сделала серьезное замечание своему ученику: "Как тебе не стыдно?"

Твоей большой тебе тринадцать лет и ты плохо играешь

сонату Бетховена, а он ее написал, когда ему было восемь лет!"

В разговоре Вера Августовна была очень живой, импульсивной, с характерным французским выговором русских слов. "Она меня не понимает", — жаловалась она на телефонистку.

После уроков частенько Вера Августовна у нас задерживалась, много играла в свое удовольствие (ей нравилось наше пианино ленинградской фабрики "Красный Октябрь"). Когда она играла, это был неземной человек. Ее взгляд уносился в бесконечность. Только ей было ведомо, в какое пространство ее унесло. Сидящих вокруг она не видела, они для нее не существовали. Если, не дай бог, в это время звонил квартирный телефон и приходилось брать трубку, — это все! Она как бы выходила из транса и больше играть не могла. Манера ее игры напоминала мне игру Эмиля Гилельса — мощный аккордный удар.

Вера Августовна иногда теряла контроль над временем, и тогда при ее рассеянности возникали курьезные ситуации. Так, однажды от нас она должна была отправиться на концерт во Дворец культуры металлургов. Времени оставалось в обрез. Было это в начале весны. Не успели мы и оглянуться, как Вера Августовна, забыв свои туфли у нас и надев боты нашего сына, умчалась на концерт. Перед самым началом она в зрительном зале увидела знакомую, послала к ней гонца и взяла у нее на время концерта туфли.

Ее тянуло к большой концертной деятельности, и в 1954 году она поступает в Свердловскую филармонию. Сольные выступления были довольно редки. Чаще всего концерты были сборные, в составе инструментальных трио или квартетов. В этом составе она часто приезжала в Тагил и заходила иногда к нам, репетировала у нас.

Вера Августовна была доброй, отзывчивой. Она знала, что моя супруга болеет радикулитом. В один из приездов в Тагил она настояла, чтобы мы поехали в Свердловск на консультацию. В ее подъезде живет профессор-невропатолог. "С его женой я хорошо знакома, — заявила Вера Августовна. — Она устроит эту консультацию." Вскоре мы посетили Веру Августовну в Свердловске. Она снимала маленькую комнату в квартире вдовы профессора УПИ Мкртчана. В ее комнате стоял кабинетный рояль, старенькая, выдававшая виды кушетка, стул и, кажется, больше ничего.

В ожидании встречи с невропатологом мы узнали такую историю. Вера Августовна обратилась во французское посольство в Москве с просьбой узнать и сообщить ей о судьбе ее родителей. Через некоторое время к ней явился секретарь посольства и настойчиво предлагал возвратиться в Париж. Он гарантировал концертную деятельность первый год во Франции, а затем в любой столице мира. На это заманчивое предложение Вера Августовна, как будто вся ее жизнь в Союзе была усыпана розами, ответила категорическим отказом. "Зачем мне возвращаться во Францию? Мне и здесь хорошо. Посмотрите, какая у меня хорошая трехкомнатная квартира. (Она показала профессорскую квартиру). А это мои квартиранты", - указала она на вдову и ее сына. Нас поразила ее поступок, отсутствие смертельной обиды, озлобленности на власть после всего, что она пережила за десять лет в лагерях.



В. А. Лотар-Шевченко в редакции  
"Комсомольской правды" 10 февраля 1966г.

В Свердловске не сложилась концертная деятельность, как ей хотелось, и она переехала в Барнаул, поступила в Алтайскую



Связь наша оборвалась, и мы потеряли Лотар-Шевченко из вида.

Однажды, не помню, в каком году, кажется, в конце шестидесятых, в "Комсомольской правде" появилась большая статья о Вере Августовне. А дело было так. В один из зимних дней корреспондент "Комсомолки" увидел афишу концерта в одном из клубов Барнаула. Его поразила программа — старинная фортепианная музыка французских композиторов. Такой редкостной программы он и в Москве не встречал. Любопытство взяло верх, хотелось посмотреть и послушать какую-то смелую Лотар-Шевченко. И он рискнул. Почти в пустом, холодном зале, в пальто сидело десятка два слушателей. Вышла женщина, не очень артистично поклонилась на редкие хлопки, села за рояль и начала играть. Она играла неистово, одну вещь за другой. Она не замечала ни пустого зала, ни холода. Перед ней был воображаемый мир, навеянный музыкой, близкой ее сердцу и духу. Она играла для себя и этим сказано все.

После концерта корреспондент прошел за кулисы, представился и попросил Веру Августовну рассказать о себе. Два часа, затаив дыхание, слушал он печальную повесть о трех периодах ее жизни. Об этом узнали миллионы читателей. Через полгода в той же "Комсомольской правде" сообщалось, что Веру Августовну пригласили в Новосибирскую филармонию, дали квартиру, организовали сольные концерты. После этого афиши концертов Лотар-Шевченко появились в Москве и Ленинграде, крупнейших городах страны. Тысячи и тысячи слушателей оценили дар этой выдающейся пианистки. Своим высоким искусством она несла людям ощущение полноты жизни, радости бытия.

В этом году о Вере Августовне Лотар-Шевченко на киностудии "Таджикфильм" поставлен фильм. Образ этой неординарной женщины создала знаменитая французская кинозвезда первой величины Анни Жирардо. Фильм назван "Руфь."

## РИКЕРТ ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ

родился 17-IX-1941 года в городе Первоуральске. После окончания в 1957 году 8 классов учился в Нижне-Тагильском горнометаллургическом техникуме, который закончил в 1961 году по специальности разведочное бурение. Через два года поступил на химическое отделение химико-биологического факультета НТГПИ. Окончив его в 1967г, работал ассистентом на кафедре химии. В С 1970 года работает в милиции. Женат, воспитывает двух сыновей. Беспартийный.



## ПАУЛЬ ЭМИЛЬЕВИЧ РИКЕРТ - МОЙ ОТЕЦ

В 1976 году я вручал новые паспорта жителям посёлка недалеко от села Николо-Павловское. Это бывший песчаный карьер Тагилстройлага, где работали "трулармейцы" - заключённые немцы Поволжья. После 1954 года эти люди так и остались жить небольшой немецкой колонией. Я выдавал паспорт пожилому мужчине, говорившему с сильным немецким акцентом, и спросил, знают ли его дети немецкий язык. - "Нет," - ответил он. - "Почему?" - "Что фи, мы ше нафек испуканный люти.."; - произнёс он шёпотом. Навек испуганные люди!!! Не знающие языка своих отцов, почти не знающие и самих отцов, я уж не говорю о делах.

Что мы знаем о своих отцах? Не покидаем ли мы ныне страшный посев прошлых лет, которые нам рекомендовали столь длительное время не вспоминать? Не в этом ли корни кризиса, в котором оказалось наше общество?

эта история произошла спустя 5 лет после смерти

члена И Германской коммунистической партии с 1928 года Пауля Хальперна - Пауля Эмильевича Рикерта, политэмигранта, гражданина СССР, моего отца. Я не очень много знаю о его жизни не только в Германии в далёкие тридцатые годы, но и в Советском Союзе. Мои заметки - лишь схема, канва, дающая представление о жизни этого поистине неординарного человека.

Пауль Эмильевич Рикерт родился 30 ноября 1907 года в районе Берлина, получившем позже, в 1918 году, название "Красный Веллинг". Учился в классической гимназии, в 1926 г. поступил на философский факультет Берлинского университета, который закончил в 1931 году государственным стипендиатом, там же проходил аспирантуру. В начале 1933 года защитил диссертацию и стал доктором философских наук /по специальности химия/. Это примерно соответствует степени кандидата наук в СССР.

Рикерт был широко и глубоко образован, считал привычным, привычным что учёба - это упорный труд, труд до изнеможения, который у интеллигентного человека длится всю жизнь. В листке по учёту кадров, в графе "знание языков" он отметил: немецкий, английский, французский. Боже мой! Как это отличается от нашего "владения со словарём"! Он переводил нам тексты из испанских и итальянских газет, читал заметки на финском, шведском языках, лишь изредка прибегая к помощи словаря. А на русском языке /для него неродном/ он писал и стихи. В возрасте 62 лет он "из интереса" овладел татарским языком, взяв себе в учителя чету татар-сборщиков живицы, соседей по деревенскому дому, где он жил, будучи на пенсии. Он хотел общаться со своими соседями на их родном языке. В этом поступке глубочайший смысл.

Как истинный интеллигент, он был и истинным интернационалом. Я отлично помню его слова, что "самая большая под-

лостъ состоит в том, когда вину человека видят в рождении "не той" матерью. "Отец приучал нас, своих сыновей, к мысли, что "нет родства по крови", а есть и должно быть "родство по духу" это он подтверждал собственной жизнью. Я совершенно не мог поверить, что его любимый старший сын, унаследовавший в своём духовном развитии лучшие черты отца и ставший для нас, младших, авторитетом, оказывается, не родной, а приёмный. Это осталось для меня и младшего брата чисто умозрительным, но в глубине души, в полусознании старший мой брат и есть старший сын Пауля Рикерта.

Пусть не отвлекут читающего эти заметки мои экскурсы "в сторону" - в них характер человека.

Студентом второго курса Пауль Рикерт стал функционером ГКП. Об этом с гордостью он говорил нам: "Я не был бонзой, я был действующим." А в партию его привела девушка по имени Лотта, с которой он познакомился в университете и за которой ухаживал.

Удивительная штука жизнь! Он совсем не думал о политической деятельности. Он хотел учиться, заниматься химией, любимой минералогией, стать самостоятельным, независимым. Он часто задавал себе вопрос: что движет нами? Любовь? Ненависть? Голод? Сытость? Нет, голод и сытость им никогда не двигали. Пожалуй, будет правильным сказать, что им двигала любовь. Любовь не только к женщине, а к человеку, к жизни, к познанию. Я отлично помню его слова: "желудок может пропустить через себя всё: пищу, страну, народ... Надо быть человеком, а не кишкой с двумя отверстиями." Это несколько грубоватое, но по существу очень верное определение позиции отца. "Нельзя себя ограничивать только в одном виде пищи - духовной!"

На химическом отделении философского факультета их было всего пятеро, коммунистов-функционеров. Отец мало рассказывал

вал о своей партийной работе, но иногда вспоминал, как по решению ячейки студент-химик на фронтоне одного из административных зданий Веймарской республики написал коммунистический лозунг. Написал не чернилами, не краской, а химикатами. Этот лозунг был виден сквозь последующие побелки и ремонты. Пауль Хальтерн знал толк в химии силикатов, а здание было построено из красного кирпича.

Каким же издевательством выглядела запись<sup>в</sup> его трудовой книжке в 1950 году, когда его уволили из треста Тагилстрой "из-за отсутствия работы по специальности"! И это было сказано выпускнику Берлинского университета, химику-силикатчику

защитив диссертацию в университете, Пауль Хальтерн не успел получить соответствующие документы. В январе 1933 года к власти пришёл Гитлер, а коммунист Хальтерн перешёл на нелегальное положение и покинул университет. Он должен был эмигрировать, так как "слишком много знал, а гестапо умело узнавать правду." Как-то он проговорился, что его псевдоним связан с тем, что он был связником в ЦК ГКП. Он говорил, что эмигрировал по решению ЦК компартии Германии. Страной эмиграции он выбрал Советский Союз, который немецкие коммунисты считали своей родиной и всеми мерами помогали ему.

Однажды весенней ночью по дороге из Берлина в Калинин /это деревня в 80 километрах от Берлина, где был дом отца и жили мать и сестра Пауля Анне-Лиза/ его встретил товарищ и сказал: "Пауль, тебе сегодня нельзя возвращаться<sup>в</sup> домой; там засада. Принято решение: ты уходишь через чехо- словацкую границу". И он ушёл. Его мать<sup>Иоганна Хальперн</sup> до 1958 года не знала, где<sup>в</sup> её сын и жив ли он.

"Немецкие и чешские товарищи передавали меня друг другу до советского посольства в Праге, а оттуда я вышел уже

другим человеком." Он не разъяснял, что значит "другим человеком"! Но его друг Борис Викторович Раушенбах сказал, что Рикертом он стал в Москве в исполкоме МОПР, а, после приёма у Е.Д. Стасовой, в то время председателем ЦК МОПР. Отец всегда с гордостью говорил: "Я политэмигрант, я был у Елены Стасовой, мы говорили больше часа."

В СССР отец приехал в июне 1934 года, а в июле, получив гражданство Советской страны, по своему выбору поехал жить и работать на Урал, в Свердловск. Выбор его был не случаен: он был страстным коллекционером-минералогом. Любовь к камню пробудилась в шестилетнем возрасте, когда отец подарил ему коллекцию из шести уральских камней, купленную в 1913 году в русском павильоне на Всемирной выставке в Берлине. Живое чучло мёртвого камня так поразило мальчика, что это увлечение он сохранил до конца своих дней. Трудно было определить профессию отца: химик он или минералог.

Отец очень много знал и щедро делился своими знаниями с другими людьми, пожалуй, в этом заключалась его привлекательность для людей. Для него была несущественна степень образованности собеседника. Его привлекал любой заинтересованный профессионал, умелец, а главное - свободно мыслящий человек. Он не любил догматиков и начётчиков, "верноподданных бюрократии", как он называл таких людей.

В 1937 году отец был арестован. Следствие длилось год и восемь месяцев. Сменилось трое или четверо следователей. Многочасовые и многосуточные допросы, пытки бессонницей, ярким светом; требование признаться в подготовке взрыва Верхисетского завода, попытки убедить, что всё происходящее с ним нужно для дела партии. Отец сказал: "Нет!"

Ему предъявили обвинение в том, что при въезде в СССР он скрыл знание русского языка: следователи не могли поверить, что разговорному и письменному русскому языку он

обучился в три месяца. Хочу заметить, что орфографией и грамматикой он владел блестяще, являясь укором многим из русскоязычных граждан нашей страны.

Самым страшным для него было то, что он оказался за решёткой здесь: "там-то я был готов к этому ежедневно, особенно последние полтора года."

Многие, сложенные пытками или прелательством, растерявшиеся, подписывали вымышленные показания. Отец сказал: "Нет!" что помогло ему выстоять? Отвращение к грязи лжи и доносов как самым страшным грехам. Твёрдость в защите чести своего имени. "Знания и имя - это то, что никто и никогда не мог у меня отобрать."

Позже, в 1956 году, он напишет: "Люди наши воевали на фронте и в тылу у врага. Мне не было позволено делить их славную участь. Всё же совесть у меня чиста. В те же дни и месяцы 1942 - 1943 г.г. я сделал всё, что мог, чтобы помочь мочь общему великому делу разгрома фашизма, работал и по мере всех моих сил и знаний." Чистая совесть... Поэтому в 1937 году он говорил: "Нет!"

Постановлением Особого совещания от 26 января 1940 года он был приговорён к трём годам лишения свободы как СОЗ-социальноопасный элемент. Коммуниста приравнивали к шпане и выслали в Онеглаг на заготовку леса.

Отец рассказывал, что в зоне заправляли "грузья народа" - урки, которые, в отличие от "врагов народа", пользовались олагодосклонностью лагерной администрации. Однако коммунисты "дали бой этой швали", после чего урки на Онеге никогда не смели унижать порядочных людей."

На Онеге Рикерт познакомился с ПЕИИ Гербертом Энгхартом, тяжело больным человеком, репрессированным немцем из Свердловска. Умирая в лагере, Герберт дал адрес жёнке -

ны в Свердловске и просил немца помочь ей, так как у неё на руках пятилетний мальчик, его сын. Отца освободили зимой 1941 года, и он нашёл эту женщину. Так они по-прежнему остались: мой отец и моя мать. Они были знакомы всего десять дней и всю оставшуюся жизнь.

Мать рассказывала о первой встрече с Паулем: "Пришёл какой-то веснушчатый банлюга. Голова маленькая, шея бычья, лицо какое-то неприятное. Я быстро позвала соседку, чтоб побыла, пока этот тип не уйдёт.

Он говорил, что привёз привет из лагеря от Герберта, а я так боялась. Но что меня поразило: Фред безбоязненно пошёл к нему. А когда он пришёл во второй раз, то принёс банку варенья из лепестков роз и сказал: "это Фреду." Так он ходил десять дней, а потом остался. Я ни о чём не жалею. Я его любила и люблю. Жизнь была очень трудная, а я с ним была счастлива."

Отец поступил на хромпиковый завод в Первоуральске. Это был 1941-й год, а в июне началась война. Отца призвали в ряды РККА, но по распоряжению представителя ГКО он был снят в Свердловске с эшелона, направлявшегося с пополнением в Москву, и оставлен "для окончания отработки методики холодного хромирования оружейных стволов". Так он мне позднее рассказывал об этом. Это было в первых числах сентября, а 17 сентября родился я. Отец видел меня и даже держал на руках. А потом по приказу Сталина его, как и других немцев, вновь поместили за колючую проволоку.

Ну что ж, Сталин был лучшим специалистом по национальному вопросу. Кроме того, он был и великий интернационалист. По его требованию из Коминтерна в 1939 году пошло указание в компартии Европы свернуть антифашистскую агитацию. А в 1943 году Коминтерн был ликвидирован, видимо, за ненадобность.



Это не мои вымыслы. Я пересказываю взгляды отца на некоторые вопросы истории коммунистического движения. Я начал интересоваться этим во время хрущёвской оттепели. Помню, что отец несколько охлаждал мои иллюзии: "Культ личности ещё икнется и тебе, и, возможно, твоим детям. Лай бог, чтобы твои внуки сумели покончить с этим. Не так всё это просто. Запомни: революции не будет, будет только эволюция, т.е. медленное развитие с отступлениями и наступлениями, с потеплениями и похолоданиями. Но ты твердо усвой: каждый порядочный человек должен на своём месте честно делать своё дело."

Он своё дело делал честно. В Нижнем Тагиле да и в Свердловске есть немало людей, которые помнят его. Но я хотел бы упомянуть тех, кто был за него в те трудные годы.

После освобождения из Онеглага в Свердловске его приняли Марта и Оскар Лауферы, австрийские эмигранты. Марта - сотрудница радиокомитета, Оскар - инженер-строитель. Они не побоялись приютить у себя бывшего зэка, врага народа, и оказать ему не только материальную, но и моральную поддержку.

Моя мать, Павлова Надежда Леонтьевна, всю жизнь была его верным другом и единомышленником. Она была не только душевно, но и внешне очень привлекательная красивая женщина и могла бы сделать прекрасную партию, выйдя замуж за молодого офицера, ухаживавшего за ней. Но она вырвала отца. Должен сказать, что мать прекрасно разбиралась в людях, и её мнение было для отца всегда высшим и непревзойденным авторитетным других абсолютных авторитетов для него не существовало/.

В Тагилстройлаге отец познакомился и подружился с Борисом Викторовичем Раушенбахом. Это был человек, порядочности которого он доверял абсолютно. Мне он говорил неза-

долго до смерти: "Если тебе будет нужен совет или помощь, обратись к Борису, он поможет."

Он говорил ещё об одном своем друге - Марголисе Эммануиле Моисеевиче, сотруднике редакции "Нойес Лебен" в Москве: "Эня моим сыновьям поможет всегда."

Я хочу вспомнить добрым словом директора Нижнетагильского краеведческого музея Анну Акимовну Саматову, которая не побоялась принять на работу в 1946 году мою мать, жену спецпереселенца. А также отдать дань благодарной памяти заместителю заведующего Горно Беляеву Василию В Александровичу, который в страшные 50-е годы взял в школу учителем немца, уволенного с работы.

Их было немало. Это и шофёр Николай Хогоровский, пустивший отца жить в свой нестроенный дом зимой 1952-53 гг.

Человек, прошедший войну, оказался милосерднее руководителей треста Тагилстрой, выгнавших отца с работы.

Я помню слова отца: "Нет плохих народов, есть плохие люди. Народ-предатель - это абсурд."

Русский техник-строитель Березин и немец инженер Рикерт были заодно, когда отказались включить в список изобретателей метода твердения морозостойких бетонных смесей "Бонз" из управления треста Тагилстрой. В результате Рикерт оказался без работы, а Березина услали в Волго-Донстройлаг.

Я никогда не забуду, как в 1950 году отец разговаривал с посланцами из треста Тагилстрой: "Передайте там этим людям, что здесь не живёт химик-строитель Рикерт, его нет уже 10 лет. Здесь есть учитель немецкого языка." Один из тех, кто выгонял отца с работы в 1950 году, полнее был назван почетным гражданином города.

Не хотелось бы заканчивать свои записки на таком грустном факте. ~~Иногда~~ Времена изменились. Жаль, что до этого

отец не дожид.

В справке о его реабилитации написано:

"... Постановление от 26 января 1940 года в отношении Рикерт П.Э. отменено, и дело произволом прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления..."

- "за отсутствием в его действиях..."

А почему не "за отсутствием события преступления"?



Пауль Эмильевич Рикерт

и его жена Надежда Леонтьевна Павлова.

Представляем нового автора



БЕЛАВИНА ИРИНА ГРИГОРЬЕВНА

Коротко о себе

Родилась в 1926 году в Ростове-на-Дону в семье инженера-химика. В равномерное течение школьных лет в 1941 году ворвались бомбежки, эвакуация, гибель близких.

В 1944 году в память о погибшем отце поступила в Ростовский университет на химический факультет. С 1949 года десять лет работала на военных заводах в цехах покрытий, в конце этого периода была заместителем начальника крупного цеха. Вышла замуж, родился сын. В 1959 году муж окончил медицинский институт, и мы решили поехать в Нижний Тагил, где жили друзья, которые с восторгом отзывались о природе Урала.

Захотелось попробовать свои силы на преподавательском поприще, поступила ассистентом в Нижнетагильский педагогический институт. Занялась научно-исследовательской работой. В 1966 году защитила диссертацию, а с 1968 года одиннадцать лет заведовала кафедрой химии. Сын тоже инженер-химик.

Нас, жителей степей, очаровала природа Урала. Мы увлеклись лыжами, поисками минералов, туризмом, особенно водным, не остались равнодушными к поделкам из дерева. Следом пришли фото-и кино-увлечения. Любим музыку, живопись, поэзию. Вот уже 20 лет моей лекторской деятельности в обществе "Знание". Награждена нагрудными знаками "Отличник народного просвещения", "Отличник высшего образования" и двумя медалями.

И.Г.Белавина

## ВОСПОМИНАНИЕ О ПАУЛЕ РИКДЕРТЕ

Есть люди, удел которых оставлять яркое впечатление. Именно такой след оставила в моей памяти первая встреча с Паулем Эмильевичем Рикдертом. Я только что поступила на работу в педагогический институт, приехав из большого областного города. Сотрудники кафедры химии были еще в отпуске, и мне показалось, что в этом двухэтажном просторном здании жизнь течет тихо и медленно. С нетерпением ждала встречи со своими коллегами.

И вот на первое заседание кафедры собрались все ее члены — преподаватели химии, выпускники крупных вузов страны, кандидаты наук. Начался оживленный обмен мнениями, в этот момент вошел высокий, сухощавый человек лет пятидесяти, с резкими движениями, умными, пронизательными глазами за стеклами очков. Сел с обезоруживающей улыбкой, извинившись за невольное опоздание.

Легкий акцент, острота суждений, умение держаться прямо со слегка откинутой головой, иронический прищур близорукых глаз и открытая улыбка привлекли к себе внимание.

Коллега Попов В.А. пояснил, что это Павел Эмильевич Рикдерт, он преподавал немецкий язык, но в этом году его уговорили перейти работать к нам. Интересный человек: закончил Берлинский университет и Пражские высшие минералогические курсы. После заседания я подошла к нему с каким-то вопросом и еще раз удивилась заинтересованности и страстности, с которыми он доказывал свою правоту. Уже дома, перебирая в памяти впечатления прошедшего дня, убедилась, что самым сильным оказалось знакомство с Паулем Эмильевичем.

Чем ближе я узнавала этого человека, тем очевиднее была правильность первого впечатления. Это был боец за справедливость. Ни фашистские, ни сталинские застенки не убили в нем этого свойства характера. Он боролся за высокий уровень преподавания химии в институте, а это было нелегко, так

как занимались мы в плохо приспособленных для лабораторий помещениях. Он требовал от студентов творческого осмысливания лекций, пробуждал интерес к исследовательской работе. Пауль Эмильевич был чрезвычайно требователен и к себе, в подготовку к занятиям вкладывал много труда, так как последние десять-пятнадцать лет волею судьбы он был оторван от химических наук. Захват фашистами власти в Германии, необходимость уйти в подполье прервали его работу над диссертацией, а несколько лет жизни в Чехословакии были отданы второму по значимости увлечению - минералогии. Спасаясь от коричневой чумы, Пауль Эмильевич тайно перешел границу и попал в Советский Союз, однако с 1941 года он стал узником русских тюрем и концлагерей.

Пройдя "круги ада", он вернулся к химии. Студенты любили Пауля, как они его называли, за увлеченность и самоотдачу, побаивались за требовательность, но равнодушных среди них не было.



Перед демонстрацией. 1 Мая 1963г.

Справа Рикхерт П.Э., в центре Белавина И.Г.,  
слева Попов В.А.

Сбылась и еще одна мечта ученого: он вернулся к своим исследованиям по увеличению прочности цемента. И опять поток

новой научной литературы, стремление догнать упущенное, стать в ряды первых.

Я в этот период (60-е годы) тоже после десятилетнего перерыва вернулась к исследовательской работе, мне импонировал этот увлеченный человек, и мы стали встречаться. Мимо такого человека, как Рикхерт, равнодушно пройти было невозможно, за мной в дом на проспекте Строителей потянулась молодежь кафедр.

Это были прекрасные вечера! Пауль Эмильевич и его милая, гостеприимная жена Надежда Леонтьевна всегда были рады друзьям. Мы располагались удобно в комнате с большим лимонным деревом посередине, с полками книг около стен и попадали в водоворот интересов хозяина. Он регулярно читал немецкие, французские и английские газеты, подчеркивая наиболее интересные места, статьи в "Правде" и "Известиях" также вызвали горячее обсуждение. Это были шестидесятые годы, и в этот период в газетах нечасто прорывалась живая струя. Иногда вечера были посвящены музыке. Павел Эмильевич сам готовил такой концерт, у него была прекрасная фонотека, и перед нами во всем блеске возникали произведения Вагнера, Малера, Баха. Кто бы здесь, в уральском городе, мог с такой увлекательностью и патетикой рассказать о немецкой мифологии: Тангейзере, Кольце Нибелунгов, сказочном Граале? Потом уходили куда-то стены, вьюжная ночь, и мы переносились в сказку. Мой муж иногда в такие вечера под музыку писал стихи.

Разносторонности интересов этого человека оставалось только удивляться. Уже в первый наш визит он показал свою минералогическую коллекцию, и мы были загипнотизированы рассказами о камне, о его таинственной красоте, символическом значении, потрясающем разнообразии. Когда из коробочки Пауль Эмильевич достал кусочек черного гранита с острова Святой Елены, где умер Наполеон, и "Ягуаров глаз" (так называется одна из разновидностей зеленого кварца), я почувствовала, что меня охватывает озноб волнения, я "заболеваю" камнем. Эта болезнь не прошла и до сих пор.

Во второй половине шестидесятых годов я стала заведовать кафедрой химии. Было очевидно, что по своему научному потенциалу и преподавательскому мастерству Павел Эмильевич

на голову выше многих кандидатов наук, имеющих все привилегии этого звания, однако попытки присвоить ему такое звание без защиты, *honoris causa*, разбивались о стену бюрократической системы. Об эту же стену разбились многократные попытки запатентовать его научное открытие в области улучшения свойств цемента. Не будь этой стены, возможно, последствия землетрясений не были бы столь трагичны.

Он читал до двухсот лекций в год — объем часов, который не под силу иному доктору наук, а удалось перевести его только на должность исполняющего обязанности доцента.

Химическая наука переживала бурное развитие в области теории связей, и Пауль Эмильевич на правах патриарха сам вызвался руководить семинаром "Теория связей". На организационном заседании он положил перед собой две высокие стопки книг, отражающих новые воззрения в области химических связей, и сказал спокойно: "Прочтите на первый случай хотя бы это". Как мы вгрызались в страницы с формулами, с каким трудом извлекали из тайников памяти уже подзабытые знания высшей математики! А когда совсем теряли путеводную нить, бежали к Паулю Эмильевичу. С какой легкостью и иронией он развеивал сомнения, выводил из тупика и помогал найти потерявшуюся тропинку! Перед выступлением волновались, как перед экзаменом, зато пять преподавателей, сдавших экзамен кандидатского минимума по химии, с благодарностью вспоминали помощь, которую оказал им этот семинар.

На отдыхе Пауль Эмильевич был также инициативен, как и в работе. Просто пикников не было, на природу мы выходили с геологическими молотками, а главное со страстным желанием найти коллекционный образец. Как тщательно Пауль Эмильевич готовил наши маленькие экспедиции, разрабатывал маршрут, определял возможный транспорт! Иногда ездил заранее в конечный пункт и, не надеясь на случай, договаривался о ночлеге.

Мы карабкались по отвалам, спускались в шахты, поднимались на горы, и всегда впереди уверенной походкой в кирзовых сапогах и легкой куртке шел Пауль Эмильевич. Его оценка наших находок была самой желанной похвалой.

Проходили годы. Начинало сдавать сердце, уже не раз приходилось прерывать движение, усталый пожилой человек садился на теплый камень, а мы ловили для него пчел; укусы их приносили облегчение.



И вот шестидесятилетний юбилей Риккерта. На сцене в институте ваволнованный Пауль Эмильевич, уже отшумели поздравления, вручены подарки, прозвучали теплые пожелания от студентов, друзей, коллег. Юбиляр, волнуясь, подходит к микрофону и отвечает на вопрос ведущего: "В чем секрет моей молодости? — спрашиваете вы. В том, что я вечный студент! Всю свою сознательную жизнь я учусь и буду узнавать новое до последнего дня."

А затем гордая седая голова опускается в поклоне, и притихший зал слышит: "Я хочу поклониться русской женщине, которая не только помогла мне сохранить свою молодость, но и выжить в страшных условиях, в самый тяжкий период жизни. Как оторвавшийся от ветки листок, меня гнали по жизни ветры войны и злобы, но я встретил и полюбил Надежду Леонтьевну, и она вдохнула силы в мою засыхающую душу. Она помогла мне обрести новую родину, с которой останусь до конца."

Обрушился шквал аплодисментов, зал встал, приветствуя этот союз Мужества и Любви.

Таким мне запомнился Пауль Эмильевич Риккерт.

Представляем нового автора



ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ ЗВЕРЕВ

Л.И.Зверев родился в 1917 году в Нижнем Тагиле. В 1937 году после окончания рабфака поступил на механический факультет Уральского индустриального института им.Кирова. В 1942 году с дипломом инженера-механика сварочных работ и направлением Наркомата черной металлургии вернулся в Тагил, пришел на Новотагильский металлургический завод, который оставил только выйдя на пенсию, в 1978 году. Последние 14 лет был начальником лаборатории сварки и наплавки.

Леонид Иванович - автор около 30 работ, опубликованных в журналах "Автоматическая сварка" и "Сварочное производство" и соавтор двух книг: "Исследование и применение вибродуговой наплавки" ("Машиностроение".1964г.), "Наплавка и комбинированные методы обработки засыпных аппаратов доменных печей" ("Металлургия".1987г.). В основе последней книги - материал его кандидатской диссертации, оставшейся незащищенной.

Как специалист сварочного производства Зверев в течение пяти лет был членом Государственной экзаменационной комиссии Нижнетагильского филиала УПИ, председателем ГЭК в ПТУ.

Трудовой путь Леонида Ивановича отмечен рядом медалей: в том числе "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.", "За трудовое отличие", юбилейной медалью к 100-летию со дня рождения В.И.Ленина.

Л.И.Зверев был и остается активным участником общественной жизни. Придя во время войны на производство, инженер-комсомолец неоднократно избирался заместителем секретаря комсомольской организации завода. Позднее работал в профсоюзных органах. В настоящее время читает лекции на технические темы по линии общества "Знание". Как член совета ветеранов войны и труда ведет работу с молодежью: организует торжественное вручение комсомольских билетов школьникам и учащимся ПТУ, выступает с лекциями по истории комсомола в детдоме, в школе. Помогает музею НТМК в сборе материалов, в проведении мероприятий.

У пенсионера Зверева немало и других увлечений. Он давнишний фотолюбитель, заядлый рыбак, с начала 50-х годов держит сад. Собирает материалы по истории родного края, член краеведческого клуба. У него два сына-инженера и четверо внуков.

Т.М.Сырова

Л. И. Зверев

## ПЕРВЫЙ МОНОЛИТНЫЙ И "ВЫСОТНЫЙ" ДОМ В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ

В 1931 году я учился в школе ФЗУ №4 при заводе им.Куйбышева. Она размещалась в доме №5 по улице Карла Маркса. В этом здании уже много лет находится военкомат.

Учебные комнаты в нашей школе были очень маленькие, поэтому и группы состояли из 17-20 человек.

Я поступил учиться на токаря, но через некоторое время после начала учебы нам неожиданно объявили, что всю нашу группу (без нашего согласия) перевели на другую специальность - модельщика. Объяснили это тем, что группу токарей набрали из одних только девушек.

Через несколько месяцев теоретической учебы начались практические занятия на заводе им.Куйбышева в модельной мастерской, которая входила в состав литейного цеха. В настоящее время в этих помещениях НТМК организовало производство шлакоблоков. После начала практических занятий учиться стали так: с утра четыре часа теории в школе, а затем четыре часа практики в модельной мастерской. Мастером производственного обучения был молодой рабочий-модельщик Иван Михайлович Филимонов.

Какое время мы проучились, точно не помню (это было 58 лет тому назад), как напротив нашей школы началось строительство громадного здания для ФЗУ. Нас вместо практики стали группами приводить на строительство. Под руководством мастера мы делали по всему периметру стен опалубку высотой 300-400 мм. Потом в больших дощатых ящиках 4 на 2 метра и высотой около полуметра готовили раствор. Мужики на лошадях подвозили к ящикам песок, паровозную золу, литейную перегорелую землю. Все эти материалы мы лопатами насыпали в ящики, добавляли немного цемента и все тщательно перемешивали.

Возле ящиков стояли бочки на 40-50 ведер. Девушки-"то-кари" ведрами на коромыслах носили в них воду из реки Тагил. В полученную сухую массу мы вливали воду, вновь все многократно перемешивали, доводя раствор до консистенции сметаны. Потом накладывали готовый раствор на носилки и по деревянным прогибающимся крутым трапам разносили по этажам и заполняли опалубку на всю ее высоту. И так изо дня в день.

Было ли нам, 15-16-летним мальчишкам, тяжело? Да, конечно. Еще труднее было нашим девчатам подниматься в крутую гору с полными ведрами на неокрепших плечах. Но никто не стонал и не жаловался. Иногда для того, чтобы заполнить опалубку раствором на всю высоту, приходилось работать не четыре, а пять и более часов. Большинство из нас были комсомольцы. Мы хорошо понимали, что строим новую школу с просторными коридорами, широкими лестницами, с актовым и спортивным залами, где в больших светлых комнатах будут учиться такие же ребята, как мы.

Позднее группы стали чередовать. Один день после занятий в школе идем на практику на завод, а на другой день вместо практики работаем на строительстве.

В 1933 году к началу учебного года здание было закончено. На первых двух этажах разместилась школа ФЗУ, а на третьем и четвертом вновь открылся Нижнетагильский рабфак "Востокстали", так он в те годы назывался.

Сейчас при строительстве подобных зданий применяют множество механизмов, но редко бывает, чтобы школа строилась за один год. У нас в те годы был только ручной труд, да и строителями были не специалисты-рабочие, а учащиеся-подростки. А такое громадное по тем временам здание было построено всего за полтора года.

В 1936 году рабфак был переведен в горно-металлургический техникум, а в 1938 году он вообще был ликвидирован. Школа ФЗУ была переименована в школу фабрично-заводского обучения - ФЗО, а незадолго до войны преобразована в ремесленное училище.

В 1956 году в этом здании разместился вновь созданный в Тагиле индустриальный техникум трудовых резервов, позднее переименованный в индустриально-педагогический. Одно время техникум и ремесленное училище размещались в одном здании, позд-

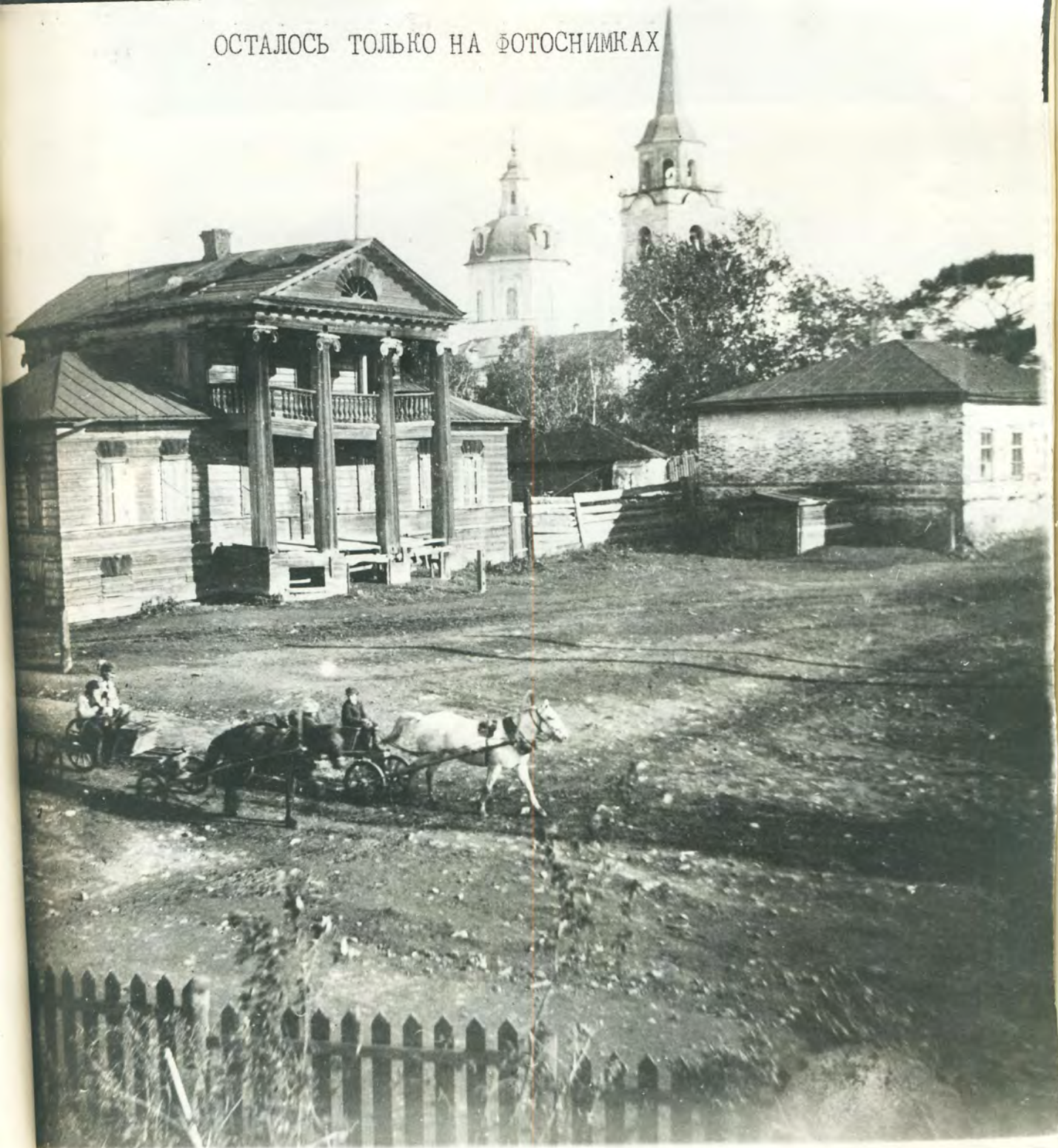
нее ремесленное училище было расформировано. И до сего дня хозяином этого здания по улице Карла Маркса, 2, бывшего долгое время самым высоким в городе, является индустриально-педагогический техникум. Это солидное средне-техническое учебное заведение, готовящее мастеров для профессионально-технических училищ по специальностям: промышленное и гражданское строительство, эксплуатация и ремонт строительных машин, технология сварочного производства, обработка металлов резанием, швейное производство. Выпускники техникума распределяются по всей республике.

У техникума большая материальная база. К старому зданию сделан большой пристрой. Здесь 33 кабинета и лаборатории, мастерские. Два благоустроенных общежития на 800 мест, столовая, актовый зал. На дневном отделении 543 учащихся, на заочном - 420. Все учащиеся дневного отделения находятся на полном государственном обеспечении.

Намечается открытие еще одного отделения по подготовке специалистов-мебельщиков. Для этого в техникуме есть и хорошее помещение, и станки по обработке древесины.

Хотелось бы видеть на здании мемориальную доску, где было бы отмечено, что это первое 4-х этажное и первое монолитное здание в Нижнем Тагиле.

ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО НА ФОТОСНИМКАХ



Дом управляющего всеми заводами Демидовых Жонеса-Спонвиля. На заднем плане Входо-Иерусалимский собор. Справа богадельня (по другим сведениям, приют для девочек).

На этом месте в настоящее время находится индустриально-педагогический техникум.

Фото неизвестного автора.  
Август 1926г.  
Репродукция И.Т.Коверды.





Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ ОБ А. О. ЖОНЕСЕ-СПОНВИЛЕ.

В сборнике "Нижний Тагил" (Свердловск, 1945, с. 91-92) помещен отрывок из книги Д. И. Менделеева "Уральская железная промышленность в 1899 году" (СПБ, 1900), в которой великий химик рассказывает о своем посещении Тагила в июне 1899 года и впечатлении от встречи с Жонесом-Спонвилем.

"...я отправился со станции в главный старинный и монументальный дом Демидовых, куда приглашал управляющий всех имений наследников Павла Павловича, князя Сан-Донато - высокоуважаемый Анатолий Октавович Жонес-Спонвиль..."

Вхожу в богатые залы; по стенам старинные портреты предков Демидовых и картины не нового покроя; такова же вся обстановка, даже терраса под окнами, даже вид в сад и на окрестности; все дышит чем-то почтенным, устоявшимся и не вчерашним. Выходит бодрый, но уже седой Анатолий Октавович, явно дополняющий картину своею любезностью, видимо, хорошо взвешенными суждениями и всеми приемами; приходит и управляющий Нижне-Тагильскими заводами, путеец, многоуважаемый Павел Иринархович Замятин, и тут видишь во всем - от разговоров до жестов - положительность, спокойную уверенность и настойчивость, какие редко встретишь в нынешних людях дня и современной, спешливой суеты. День, проведенный мною с этими лицами и множество предметов, на которые переходили разговоры, все оставило во мне эти впечатления, и я должен сознаться, что выехал из Тагила с очень увеличенным багажом мыслей, касающихся Урала, особенно по отношению к посессионным владениям и к отношению между казенными и частными заводами..."



Жонес-Спювиль /сидит в центре/.  
Стоит Анатолий Павлович Лемитов, гусар

Е.Н.Епанчинцева

## ИЗ БИОГРАФИИ СТАРОГО ДОМА

В "Краеведческой шкатулке" от 31 мая 1988 года под рубрикой "Где эта улица, где этот дом?" помещена фотозагадка, предложенная вальцовщиком рельсобалочного цеха НТМК А.К.Акишевым и озаглавленная "Со следами былой красоты."

"... В объектив его фотокамеры попала часть одного из домов старого Тагила. Время, к сожалению, оставило на нем печать ветхости и запустения, снять которую могла бы реставрация. Но с ней не спешат... И стоит он забытый, заброшенный, со следами былой красоты..."

В следующем выпуске "Краеведческой шкатулки" от 30 июня 1988 года сообщается, что загадка была проста, поэтому дом по улице Уральской, 4 многие тагильчане узнали без особого труда.

Корреспонденты сообщают сведения об этом доме. В 1962 году в нем был расположен филиал политехнического института., "- вспоминает З.А.Белохохлоа.

"...Раньше здание почему-то называлось "реальное". Почему - объяснить не могу," - сообщает К.М.Денисова.

Вот и все.

Сейчас у здания новый хозяин - мастерские Художественного фонда РСФСР. Проводится ремонт, и, возможно, в скором времени "былая красота" здания превратится в настоящую. Ведь это здание всегда заставляло замедлить шаг и обратить внимание прохожих на красоту и какое-то особое достоинство его пропорций и оформления.

Ответ на вопрос, как долго время ставило на этом здании печать ветхости и запустения, мне дал документ, обнаруженный при работе в Нижнетагильском филиале Государственного архива Свердловской области. Он проливал свет на историю этого здания с момента его постройки. Мало того, оказалось, что оно имеет отношение и к имени главного управляющего демидовскими заводами Жонеса-Спонвиля.

Текст документа с сохранением стиля и орфографии приводится полностью:

## ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

о здании имени Жонеса в Нижне-Тагильском заводе Пермской губернии, в котором помещается Нижне-Тагильское Высшее начальное училище (бывшее городское 4-х классное).

Имея ввиду, что многие из служащих в окрестных заводах Нижне-Тагильского округа лишены возможности обучать своих детей в городском и горнозаводском училищах по неимению средств оплатить частную квартиру и содержание детей в Н.Тагиле, а между тем и эти служащие одинаково принимают участие в 1 <sup>1</sup>/<sub>2</sub>% пожертвованиях на училища, у Попечительного Совета в 1902 году состоялось принципиальное решение о необходимости открытия общежития для учеников.

При правильной организации общежития для иногородних детей-учеников давало основание рассчитывать не только на значительное удешевление на содержание таких учеников, но и на улучшение жизненных условий их в общежитии и как в гигиеническом, так и в воспитательном и педагогическом отношениях. Между тем особого помещения для такого общежития не находилось; построить же для этой цели специальное здание с необходимыми обстановкой и оборудованием Попечительный Совет не располагал средствами, вследствие чего явилась мысль построить такое здание на частные пожертвования в ознаменование 50-летней службы на заводах Демидовых главного уполномоченного А.О.Жонеса, что и удалось выполнить при участии Главного Правления Демидовых и при общем содействии служащих Округа путем специального на это пожертвования из годичного отчисления из жалованья.

Для здания избрано было место на заводском участке рядом с усадьбой и строением Горнозаводского училища. Постройка здания производилась с 1902 года по 1905 год, а место под ним формально отдано в бесплатное и бессрочное пользование по условию заводоуправления с Попечительным Советом 2-го июня 1911 года. Здание это считается принадлежащим попечителям.

В 1910 году ввиду предстоявших преобразований горнозаводского училища в среднее техническое, а городского в высшее начальное и в связи с этим явившихся потребностей по обеспечению этих училищ помещениями, жертвователи передали это здание в непосредственное распоряжение Попечительного Совета.

С тех пор и по настоящее время оно находится в ближайшем его ведении, занято оно Высшим начальным училищем, преобразованным из городского по распоряжению того же Попечительного Совета с 1913 года. Горнозаводскому училищу здание это не передавалось за неимением готового помещения для Высшего начального, хотя эта передача и была обусловлена обещанием Попечительного Совета, но исполнение последнего по необходимости было отложено впрямь до постройки особого здания для последнего, вопрос о которой принципиально вырешен был в 1913 году в утвердительном смысле, Попечительным Советом куплено уже место под это училище, составлены строительные сметы, но вследствие войны, а затем и революции, осуществление этой постройки осложнилось, и дело постройки считается пока временно отложенным.

Председатель  
Попечительного Совета (подпись)

Член Совета (подпись)

29 июня 1919г.

(НТФ ГАСО, ф.Р-125, оп.1, д.113, лл.12, 12 об.)



Уральская улица в начале XX века. Слева направо: земский дом, жилой дом торговца Всехваляного Я. М., реальное училище, квартира инспектора / ДИ - ректора / горнозаволского училища, верх лухетажного яланья занимало горнозаволское училище, низ - городское.

И. А. Орлов

## В ВЫСШЕМ НАЧАЛЬНОМ УЧИЛИЩЕ

Дом №4 по улице Уральской мне знаком с детства. Он привлекает каким-то особым, неказенным стилем архитектуры. До 1913 года здесь было реальное училище, а в 1913 году на бывшем городском кладбище по улице Салдинской (теперь проспект Ленина) для реального училища было построено специальное здание. Помнятся холмики старых могил и десятка два боровых сосен с кронами в вершине. Левая часть здания теперешнего горнометаллургического техникума достроена в пятидесятых годах: начавшаяся в 1914 году война с Германией не дала закончить корпус.

Я учился в городском училище, преобразованном в 1915 г. в высшее начальное. Оно помещалось в первом этаже горнозаводского училища (Уральская, 2. Теперь надстроен третий этаж) и служило как бы подготовительным для горнозаводского, где готовили горных и заводских специалистов со средне-техническим образованием. После перехода в 1913 году реального училища в новое здание городское училище заняло освободившийся дом на Уральской, 4.

Обучение в городском училище было платным. Кажется, 6 рублей за учебный год. От платы за учение освобождались ученики, родители которых работали на демидовских предприятиях. Из заработка всех работающих вычитался определенный процент независимо от того, учились или нет их дети в этом училище. Так же было и с женской гимназией.

Инспектором (директором) городского училища в период моего учения был Огарков Петр Фотиевич, учитель естествознания.

Учебный год 1 сентября начинался молебном учащихся всех четырех классов и учителей. Вел его наш законоучитель отец Симеон Хлынов, протоиерей Входа-Иерусалимского собора. Ежедневную молитву перед началом учения читал один из старшекласников.

Каждый предмет вел особый учитель. У всех учеников были дневники для записи домашних заданий, в нем же учителями выставлялись отметки по успеваемости. Во время перемен между уроками в зале дежурил один из преподавателей.

Учитель русской словесности и грамматики Маркин Алексей Владимирович, член спортивного общества "Сокол", раз в неделю проводил урок гимнастики. Урок шел в большом зале под граммофонный марш. В зале были брусья, кольца, трапеция, гимнастические палки и чугунные гантели. Для этого урока выписывали всем училищем из Лодзи за наличный расчет специальные трикотажные костюмы: синие брюки в обтяжку и белые с красной отделкой куртки.

Особым увлечением учеников пользовался Аркадий Петрович Шапов. Сверх основного предмета (географии) он вел урок пения, который сопровождался игрой на скрипке. Из учеников нашей школы и гимназисток младших классов он организовывал театральный кружок, для которого сам писал пьесы. Выступали на сцене тогдашнего заводского театра на Нижнем дворе.

Вместе с другими учителями Шапов организовывал экскурсии на Голый камень, речку Лебу. Особенно памятна поездка учеников всей школы на пароходе на Ключики. Всех учеников на пароход вместить было невозможно. К нему подцепили небольшую баржу, где наблюдающим был Аркадий Петрович. Один из учеников нашего класса Суворов сошел на нижнюю палубу, облокотился на незакрепленный поручень над колесом парохода и упал в воду. Струей из-под колеса его быстро отнесло от парохода к барже. Его счастье, что на нем было стеганое длинное пальто, которое держало его на воде. Аркадий Петрович быстро скинул ботинки, пиджак, очки и бросился спасать утопающего. Плыл, держа его одной рукой за ворот пальто. Быстро подошла лодка с парохода. Достали обоих из воды и доставили на пароход. В машинном отделении у парового котла их переодели и обсушили.

На следующий день на молитве перед уроками был зачитан благодарственный адрес Аркадию Петровичу от родителей Суворова.

Среди наших учителей выделялся оригинальностью преподаватель рисования Дятлов Александр Григорьевич. Резкие движения, косматая шевелюра. Видимо, по причине близорукости



носил пенсне, чтобы оно не спало, высоко держал голову. Был очень рассеянным. В костюме всегда была какая-либо неряшливость: то на боку галстук, то один ботинок не завязан. Вечно терял галоши или забывал их снимать. Но характером спокойный, хороший преподаватель, Александр Григорьевич вел уроки и в горнозаводском училище. В любительских спектаклях играл драматические роли. Он от нас ушел, кажется, в 1915 году. Его место занял молодой учитель черчения и рисования Назаров Сергей Николаевич. Он мне почему-то особенно нравился тихим, спокойным характером. К нам и к урокам относился очень серьезно, внимательно.

В 1915 или 1916, сейчас уже не помню, в мужской коллектив преподавателей вошла учительница русского языка Анна Николаевна Рогожина. Очень внимательная, по-учительски строгая, она чаще других учителей была с ребятами нашего класса. Мы с нею ходили на реку Большая Кушва, ездили по узкоколейке на Канаву. Она была как бы критиком нашего школьного драмкружка. С началом Февральской революции с нашим классом выходила на довольно частые в то время демонстрации. На них, не зная революционных песен, пели: "Жив он, жив он, дух славянский, будет жить вовеки..." и "Мы при помощи Перуна лодку рыбой нагрузим и наловим для продажи золотистых осетров", — из оперы "Аскольдова могила". Это была наука Аркадия Петровича Шапова. В конце 1917 года Анна Николаевна вышла замуж, стала Развиной. В школе ее больше не было.

Сейчас, по прошествии стольких лет, я с благодарностью вспоминаю наших учителей. Все они были примером выдержки, спокойствия в обращении с нами, зачастую озорными мальчишками. Не помню, чтобы кто из них повысил голос в классе, за исключением разве математика Николая Петровича Маркса. Он был как-то поглубже других. Но, видимо, был к тому вынужден.

Среди учителей нашей школы был особым по характеру и поведению Попов Николай Васильевич. Он как коммунист (единственный в коллективе) был назначен комиссаром просвещения. На его уроках (он вел геометрию) иногда читали какие-то маленькие рассказы революционно-утопического характера. В период ученической забастовки, в которой участвовал и наш класс, он поддерживал наши требования и поощрял нас.

Его помощником как комиссара был ученик четвертого класса горнозаводского училища Паша Серебряков. При белых Николай Васильевич был расстрелян, а Паша Серебряков исключен шомполами и отправлен в Красноярск. Больше о нем ничего не известно.

x

x

x

Памятной страницей школьной жизни остались события марта-апреля 1917 года.

Начало революции. Митинги. Собрания. В витринах, на воротах частных домов в центре — афиши, лозунги, призывы. Каждая партия говорит о своих преимуществах перед другими. Стараются перещеголять остальных лозунгами, красочными афишами, их размерами.

Кадеты, меньшевики, эсеры правые, эсеры левые, демократы, большевики и другие. Теперь уже позабылись.

Мы, мальчишки четвертого класса высшего начального училища, не пропускали ни демонстраций, ни митингов, ни ученических собраний. На демонстрацию, помнится, выходила с нами Анна Николаевна Рогожина. Об этих собраниях, митингах и демонстрациях нас извещало горнозаводское училище.

В нашем классе, в основном, и в параллельном, появились свои вожаки. Их было несколько, многих позабыл, но активностью, азартом отличались Маландин Геннадий и Грачев Андрей. Из параллельного — Уткин Алексей.

Прежде всего был поставлен вопрос: нужен ли нам урок закона божьего? Попребовали упростить русское правописание. Убрать из алфавита буквы ять, фиту, и десятеричное, ижицу. Отменить цифровую отметку при проверке знаний. Вместо 2, 3, 4, 5 ставить буквами — хор. (хорошо), сл. (слабо), пл. (плохо). Отменить классный и внеклассный надзор, обязательное ношение ученической формы. В таком духе 11 пунктов.

Кто-то где-то наши требования не принял. Решили добиться своих требований забастовкой.

Старшеклассниками других школ: горнозаводского и реального училищ, женской гимназии — был создан ученический комитет. Председателем избран Паша Серебряков, ученик четвертого класса горнозаводского училища, секретарем — гимназистка Мазаева.

Однажды среди третьего урока в наш класс (урок вела Анна Николаевна) входит один из учеников горнозаводского училища, наверное, член комитета. Он объявил, что в помещении заводского театра назначается собрание старшеклассников. Начало собрания — митинга через час. Наш класс должен быть на этом собрании. Анна Николаевна молчит. Захлопали крышки парт. Молча выходим из класса, одеваемся. В классе осталось четыре ученика, помню, один из Висима.

После мы, участники этого собрания, объявили им бойкот. Не отвечали на их вопросы, сторонились, правда, недолго.

На общем собрании учащихся старших классов всех школ решили объявить забастовку до удовлетворения наших требований.

На основании постановления комитета я на другой день в школу не иду. Отец спрашивает о причине. Отвечая: "Общеученическая забастовка". Он пожал плечами: "Иди, подметай во дворе и чисти в хлевах".

Пошел с удовольствием. Мету. Входит Грачев Павел Николаевич, токарь депо станции Тагил, с сыном Андреем. "Почему не в школе?" — "Забастовка".

Пошли к моему отцу. — "Почему Иван дома?" — "Забастовка". "Давай, одевайся, пойдём".

На входной двери школы крупными буквами: "Ушедшие из класса (названы фамилии) считаются исключенными. Желющие продолжать учение должны подать заявления".

Пошли к инспектору Огаркову. Он объяснил, что по решению педагогического совета мы исключены. Поворчали отцы наши, заставили тут же написать заявления о продолжении учения. Через два дня на этом же месте список учащихся, подавших заявления.

Снова сели за свои парты. Правописание осталось тем же. Урок закона божьего среди предметов стоял также на первом месте.

К. Ф. Ляпцев

## П. Д. ДУРНОВО НЕ ДЕМИДОВ !

В газете "Тагильский рабочий" от 28 сентября 1989г. опубликована статья ленинградского искусствоведа З. Афонасьевой "Из рода Демидовых" и напечатан портрет с подписью: "П. Д. Демидов-Дурново."

В-общем-то<sup>В</sup> интересной статье рассказывается о поиске ленинградского исследователя В. М. Глинки и установлении имени на портрете, который на музейных выставках аннотировался как "Портрет неизвестного". Повествуя об истории создания портрета в прошлом веке, З. Афонасьева совершает ошибку: она неправомерно приписывает П. Д. Дурново фамилию Демидова, ставя ее впереди Дурново или даже совсем опуская последнюю.

Дурново - известный в России дворянский род, более старый, чем Демидовых. Породнясь с Демидовыми, они не могли прибавлять их фамилию к своей. В русской истории XIX века ни один из Дурново не имел двойной фамилии. Свидетельством может служить также Советский энциклопедический словарь, в котором можно найти сведения о членах семьи Дурново, а именно: Дурново Иван Николаевич (1834-1903гг.), русский государственный деятель, реакционер, в 1885-1895гг. Министр внутренних дел, с 1895г. председатель кабинета министров; Дурново Петр Николаевич (1845-1915гг.), русский государственный деятель, реакционер, в 1884-1893гг. директор Департамента полиции, в 1905-1906гг. Министр внутренних дел. Оба они являются племянниками изображенного на портрете Павла Дмитриевича Дурново (1804-1864гг.) - сыновья его старшего брата Николая Дмитриевича.

Отец братьев Николая и Павла Дмитрий Николаевич Дурново - тайный советник и обергофмейстер царского двора был женат на Марии Никитичне, дочери тагильского заводчика Никиты Акинфиевича Демидова. В этом и заключалось родство Дурново и Демидовых.

Затем у З.Афонасьевой написано: "Чете Демидовых-Дурново принадлежали и доставшиеся от предков заводы в Нижнем Тагиле, Невьянске, других местах Урала". Это тоже не соответствует истине и вводит в заблуждение. В момент выхода М.Н.Демидовой замуж за Д.Н.Дурново и позднее тагильские заводы принадлежали только одному наследнику и владельцу Николаю Никитичу Демидову. По существующему тогда положению (посессионное право) демидовские заводы переходили по наследству без дробления и, следовательно, любая часть их в виде приданого за Марией Никитичной не могла попасть к чете Дурново. Невьянские заводы задолго до этого были уже не демидовскими - они принадлежали заводчикам Яковлевым. Однако можно отметить, что Дурново имели некоторое отношение к демидовским заводам. Старший сын Д.Н.Дурново Николай (брат Павла) в 20-30 годах XIX века был главным уполномоченным Демидовых при Николае Никитиче и его сыновьях Павле и Анатолии. Это есть у профессора В.С.Виргинского в книге "Черепановы" ("Молодая гвардия". 1957г. стр.118-119, 230).

В свете изложенного неубедительно выглядит попытка З.Афонасьевой связать Демидовых через П.Д.Дурново с кругом декабристов.

Искажение фактов в истории рода Дурново не пополняет копилку краеведов, собирающих материалы из истории рода Демидовых.

П.Д.Дурново не Демидов и именоваться Демидовым не может.

## О т р е д а к ц и и

В 1930 году трое тагильчан: Н. Г. Масальский, С. А. Морозов и В. А. Симонов совершили поездку в северные и приполярные районы Урала. Об этом упоминалось в нашем журнале /1989 г. №3, л. 22/. Все трое вели путевые дневники, на основе которых Симоновым и Масальским были написаны и опубликованы в двух номерах журнала "Уральский охотник" /сентябрь; октябрь-ноябрь 1930 года/ очерки "В стране манси"; а Морозовым под тем же названием илана книга. Книгу найти пока не удалось, а два номера "Уральского охотника" были получены по МБА из библиотеки им. Белинского.

Нало сказать, что публикация крайне небрежна, с массой грамматических ошибок. Даже в заглавии одного из номеров слово "манси" напечатано с мягким знаком. В сентябрьском выпуске /журналы не нумерованы/ не указаны фамилии авторов, редакции перед ними извинилась, печатая продолжение.

Читая "В стране манси", нельзя понять, кто, куда и зачем едет. Ни слова нет о том, что предшествовало поездке и чем она закончилась. Видимо, редакцию интересовали только картины быта манси, всё остальное она оторосила.

Решив перепечатать путевые очерки наших земляков, мы обратились за разъяснениями к В. А. Симонову.

Инициатором поездки был Николай Георгиевич Масальский, машинист паровоза, воливший пассажирские поезда. Позднее он стал редактором многотиражки тагильских железнодорожников. Это был высокий, стройный человек лет тридцати; член партии, любознательный, начитанный, хотя имел только начальное образование. У него по тем временам была большая библиотека. Он прекрасно переплетал книги.

Всеволоду Алексеевичу Симонову шёл 28-й год. Он работал конструктором на заводе им. Куйбышева. Подробный рассказ о

его помощи в №3 нашего журнала.

Третий, Степан Артемьевич Морозов, был моложе своих товарищей. Он обладал нелюдиной силой. Рассказывал, что учился на шофера, служил на аэродроме под Ленинградом. В Тагиле он выступал с лекциями по воздухоплаванию, на заводе имени Куйбышева организовал кружок планеристов. Кружковцы по привезённым им чертежам сами построили планер и летали на нём. Несмотря на небольшое образование, он работал репортёром в городской газете. Его опекала Нина Аркадьевна Попова.

Всех троих объединяла тяга к перу и любовь к путешествиям. Летом 1929 года они уже совершили сплав по реке Тагил.

Четвёртым путешественником был пёс-мелвежатник Масальского по кличке Фунтик.

Путешествию на Север нужна была подготовка. Масальский съездил в Свердловск, в отделение Комитета Севера. Там посоветовали вести записи об увиденном и собирать этнографический материал. Нижнетагильский окружной совет профсоюзов дал на дорогу 1000 рублей, Союз охотников - порох, дробь и другие припасы для ружей: у Морозова было одноствольное охотничье ружьё, у Масальского - двустволка. Осоавиахим выделил винтовку патронами, а радиоузел - довольно громоздкий радиоприёмник. Родственники напекли кренделей, которые заполнили целый ящик. Для всего этого вместе с запасной одеждой и обувью, рыболовными снастями и прочим снаряжением требовалась целая полвола.

В начале апреля друзья сели в поезд, следующий по Напезлинска /теперь город Серов/. Дальше путь шёл по узкоколейке до посёлка лесорубов, где ваяли лошадей, на которых отправились в Бурмантово. С описания дороги и пребывания в Бурмантово и начинается повествование в опубликованной части путевых заметок.

Редакция считает нужным дать краткие сведения о названиях народностей /манси, вогулы, остяки/, которые употребляются в очерках. Остяками русские называли хантов, вогулами - манси, зыряна-

## В С Т Р А Н Е М А Н С И

Н.Г. Масальский  
В.А. Симонов

/Очерки/.

### Анкилин Никитич. - Земля наша. - Лесные острова. - По северной дороге.

Мы выехали на правый берег реки Лозьвы. Проехали мимо вновь построенного большого здания - склада-лавки, обогнули барак, хлебопекарню и вновь строящееся здание ледника.

- Нужно переезжать реку, - говорит ямщик, равнодушно ковыряя в носу. А ширина реки сажен 100-150. Ударяем по лошадям и сразу врезаемся в полынью. Лошади провалились по брюхо. Ещё усилие, и мы осторожно едем по наледи, придерживаясь поставленных веток.

Разыскали квартиру для приезжающих - кул<sup>а</sup>, которая оказалась в двухэтажном доме, принадлежащем первому поселенцу и основателю этой деревни Анкилину Никитичу Бурмантову.

За горячим самоваром познакомились с ещё крепким стариком. Потекли рассказы о жите-бытье. Мы с увлечением слушали повесть за повестью о стране древнего рода манси, о людях с железными нервами.

...35 лет тому назад пробирался Анкилин Бурман<sup>т</sup>ов с женой и грудным ребёнком через тайгу и топи, ища хорошего места. Прошёл сотни вёрст и, наконец, добрался до Лозьвы. А места как раз были хорошие, богатые. В реке рыбы много, и кругом тайга, где всякого зверя и птицы хоть отбавляй.

Расчистил место Анкилин, построил курную избушку, стал жить.

Побежала весть по остяцким паулам - на Лозьве поселился русский, рыбу ловит и птицу оьёт. Облетела весть Суй-вала-паул<sup>ь</sup>, Омгышсос, Елесин, Лемья-паул. Завёртывали проезжавшие по Лозьве к дому Анкилина, долго стояли на берегу, молча рассматривали постройку и сердито говорили:

- Земля наша, уходи, лес повырубил, зверя меньше стало.



А однажды осенней темной ночью застонала тайга. Огненный столб искр полнялся к небу. Исконные владетели земли выжидали нового хозяина.

Крепок был Акилини - не ушёл. Теперь он со валочком рассказывает о прошлом.

- Что раньше было-то, когда я первый поселился сюда. Скопиль, полесуешь рабчиков, да свезёшь их в Излель. Мужки привезёшь. Рыбки в речке наловить. Вот и живёшь год да молишься. А теперь видишь всё повешества пошли. Привезли какое-то кино, а на што оно нам! Наролу нагнали, лес рубят. зверя только пугают. Вот и в моём поме табачок появился на волочка. Иной раз и я согрешу, выпью бутылочку... Ушла от меня старуха "спасаться" в другую Ибу. Грешник ты, говорит, нечистым духом в твоём поме пахнет. Крепкой веры был я, ну, а теперь привыкать помаленьку стал к новому, а уж молодёжь как знает.

Население бурмантово занимается почти исключительно белководством, лишь допустно стреляют и прочего зверя.

-Насчет охоты, так мы, пожалуй, дадим очки вперед остякам. У нас главный охотник имеет 2-3 лайки. Вела наша та, что мы не можем так быстро перепрыгаться, как остяки. У них лес разбит на острова. Главная дорога - северная, идущая от нас на верёзов. К ней подходят другие дороги, соединённые между собой. Салится остяк на оленей, впряжённых в нарты, и гонит налегке по такой дорожке. Увидел следы зверя, идет дальше, пока не объедет весь остров. Если выколу зверя нет, то тут и сврывает его.

-Нам же приходится копить на лыжах. Когда-то след найдёшь да обойдёшь его, а гни коростки, много не напрягаешь.

В посёлке насчитывается до 10 дворов. В настоящее время бурмантово является конечным пунктом доставки рыбы с севера на олених.

По лозьве идёт заготовка лесоматериала для сплава.

Утром мы узнали, что уже два дня как последние олени ушли

тини большую ошивку, что вовремя не могли договориться по телефону с почти ежедневно бывающими здесь остяками.

Во вновь отстроенном бараке помещался "красный уголок", почта и телефон. Это - последний пункт, находящийся на 300 километров от Богословской железной дороги, связанный тоненькой проволочкой с культурным миром. Дальше - тайга на болота, по которым летом не пройти, не проехать.

С большим трудом нашли мы двух лошадей по первой остяцкой урты Суй-вага-пауль.

- Там как котёте, дальше не повезу, - заявил ямщик. - Дорога вот-вот падёт, лошади проваливаться будут. Уже и сейчас по ним никто не едет, на болотах занело всю дорогу.

Утром с колокольчиками выехали мы из Сурматово<sup>\*</sup> по северной остяцкой дороге. Путь некоторое время идёт на восток по левому берегу реки Лозьвы, потом сразу поворачивает на север, очень хорошо уватан нартами.

Наретка по сторонам дороги полагается остановки остяков. Привычные к морозу, они наскоро нарубают еловых веток для постели, заворачиваются в шкуры оленей и, несмотря на выгу и 40 градусов мороза, лихо похрапывают. Снеги же выпрыгаются на нарт, и им представляется самым выказывать на-пол снега ягель. На стойке на переве остяк оставляет свои полпись - танцу. Каккая танца во-ображает фамилию остяка, делавшего привал.

По дороге мы часто вылезаем из саней, чтобы согреться, и втём по насту, который свободно держит человека.

Дорога почти всё время идёт по болоту, поросшему мелким сосняком - карангашином. Пересекаем очень много следов: куропаток, заячьих, беличьих и двух негавно пролетающих росомах.

Проехав около 30 километров, делаем привал на реке Сосьве. Снегом согреть замороженные внутренности горячим чаем. Затем отдохнувшие лошади вскоре доставляют нас по первой остяцкой урты Суй-вага-пауль, местное название - Суй-ват.

Суй-вага-пауль.-У порога юрты.-Пол власти пугов.-всё язва.-

Ночная гостья.-На лыжах за оленями.

-Ката, айда в юрту. Лен юрта. Заходи, - пытаемся мы на разные голоса возможно вежливее пригласить девушку.

Ката стоит у порога, странно растопырив руки. Не можно было бы принять за манекен, если бы не живые карие глаза, быстро перебегающие с одного из нас на другого. Она качает головой и монотонно твердит:

- Атии, атии... /Атии - нет/.

Изнанка наша в языке ограничена тремя словами. Поэтому остаётся только заклопнуть дверь и сесть поближе к жарко <sup>рас</sup> потопленному чуваду и прислушиваться к воям свиредей северной метели.

Почему девушка не заходит в юрту? Или, может быть, ей одинаково темно и в юрте, и там, под метелью? Этот вопрос мы обсуждали до бесконечности, коротая скучную ночь в одной из юрт Суй-вада.

Когда мы приехали в пауль, никого, кроме этой девушки, не оказалось.

- Уехали быть лоса, - безапелляционно заявил яндик. - Придётся посетить вам два-три дня. Если не приедут, скажите ей, - он ткнул пальцем в Ката, - давай оленей. Маша Оли. Уверёт.

Получив такой совет, он счёл за благополучие повернуть лошадей в бурнатово.

В пауле остались мы, Ката, да с полдюжины собак. Около часу ночи вой метели прекратился. Высипали ослепительные звёзды. На севере белесой волной прокатился вал света, серебряной короной повис над горизонтом и медленно таял.

У порога юрты, закрываясь шкурами, лежала оленья девушка. Рядом вытянулся остроухий пёс. Отшумевший ветер полузасыпал снегом маленькую фигурку. Тихо.

И всё же пытаемся разрешить неразрешимую задачу - почему девушка не заходит в юрту? Если предположить - она, <sup>может</sup> быть может;

считая чужих людей, то соседняя юрта совсем пуста...

При бледном свете северной ночи лицо девушки бесстрастно, как лицо оульды, челюсти скаты, из свела легкая сулорога...

Она прожила на улице три долгих дня и три холодных ночи. Не знаю, может быть, и больше, так как на третий день мы уехали, не разгадав одну из загадок севера.

Только через несколько дней, когда детально начали знакомиться с остяцким бытом, узнали, почему девушка провела несколько дней около чума.

Остяцкий быт во всех его проявлениях современной культурой почти не тронут. Остак остался верен священному сундуку, стоящему на полках над мужской половиной, в котором хранятся "пуны" /иглы/, покрытие дорожки погарками. Законы пунов крепко владеют берегами "Тайт" /северной сосны/ и снежными вершинами "Нера" /Урала/.

Вот один из старых законов: женщина во время родов и послеродка не должна находиться в юрте. Если женщина родит в юрте, нужно строить новую, так как старая считается поганой.

Крепок старый закон, так крепок, что даже Кирилл, комиссионер из Яны-Пауля не решился переступить его. Его жена также уклонит родить в поганой чум, как и другие женщины, закрывает лицо розовым платком от свёкра.

Участь остяцкой <sup>женщины</sup> очень незавидная ещё по ряду других условий. Мужчина занимает в семье главенствующее значение, занимается только охотой и рыбным промыслом. То и другое является сезонным занятием. В остальное время остяк почти ничего не делает. Вся работа по дому, вплоть до рубки дров, возложена на женщину.

Кроме того, среди остяков сильно развито женозойство. Женщину имеет право учить муж, брат, отец и т.д. Нам пришлось слышать о тяжёлых посях.

Культурная работа среди остяков, не говоря уж об остяцких женщи-

метров в округности, единственный культурный человек-учительница. Что она может сделать своими силами? Нужна помощь Ишме.

Широко раскинулась страна Иансы. Свирепый ветер вост над оленями наулами. Много, много латей влут у холмных порогов врт, когда придет чужая женщина, которая очень много знает, и крикнет смелые слова, нарушив законы пунов.

Но нет смелой женщины. Она еще в большом, лалитом огнями городе. Ишме не слышит молчаливого призыва младших сестер из ладоник наудов.

Утро не принесло ничего нового. От нечего делать мы принялись за варку рыбы. Ката тоже принялась варить себе какое-то месиво на костре. Думаем, что у нее нет клея, пытаемся на остижском языке предложить его. Ката качивала головой. Ага, Попадали котел было итти за клеем, но неожиданно получил в руки самусоленную корку. Испортив на лице улыбку, мы вернули клей обратно.

Поев, ката сунула котелок себе. Взяв таким образом посулу, она снова улеглась на свои шкуры.

Склялся вечер. Огненный пават пылал над вершинами сосен, а мы сидели в холодной врте, не зная, что предпринять. От безделья принялись детально изучать врту.

Налево от вверт - чувал - глинобитная печь, вернее камин, с широким отверстием трубы. Спереди низкие сплошные земляные нары с навешенными оленьими шкурами. Вверху полати, на которых, как мы узнали потом, ставится священный сундук с лунами и лорогши мехами. Рядом с мужской - женская половина. Внизу под полатями, где стоит священный сундук, развешен плакат о войне индустриализации. Кроме столика и скамеек, никакого уюта нет.

С улицы неожиданно раздался звон оузенчиков. Мы вышли из врти. Свободный сосняк промелькнула запряжка из трех оленей и возвратилась в врте. На нартах сидела женщина.

Быстро распрягли оленей, женщина увела их и спусти несколько минут зашла в врту. Предложили ей чай. Качал резника на коленях в берестяной лальке, она выпила одну чашку. Разговор наш велся о-

ними взглядами. Затем, возмущенные, они на нас вымолвили заученную фразу:

- Есть олени?

- Нету, - последовал ответ.

На этом разговор наш прекратился. Остатка ушла к другой ярте в вместе с латей принялась варить ужин. А мы опять встали за бесконечный чай, гадая, уедет ли когда-нибудь из этого места наш пет?

Во время нашего чаепития уже во втором часу ночи в ярту вошла одна фигура в собице и внтах.

- Здравствуйте, - послышался из собицы женский голос.

- Вы русская? - озабоченно спросили мы.

Женщина оказалась с Усть-Маньи, лежащей еще впереди нашего пути. Ушла она в Ивель, а по какой причине - умолчала. Очевидно, на вино. Разговорилась.

- Как вы не боитесь одна ночью ехать по лесу, где на 30-40 верст нет человеческого жилья?

- Ничего, мы привыкли. Мишка сейчас в берлоге спит.

- Скажите остатке, чтобы пала трех оленей для багана. А сами мы пешком удем.

После длительных переговоров остатка пала согласие увести багана.

Окрыленные надеждой, мы легли спать.

Утром женщина надела лыжи и пошла в лес. Очевидно, олени были где-то недалеко. Спустя минут пятнадцать по лесу раздался привычный голос.

- Ай-ай-ай. Ай-ай... тьф..., - повторяемый до бесконечности.

Через полчаса наш баган был погружен на нарты. Править с местом села лати.

- Хей, хей, - выкрикнула она, вымахнув хорсом. Олени валили вскачь, и нарты исцедили на повороте.

/ журнал "Уральский охотник", сентябрь 1930г, стр. 30-33/

По сугробам. - Сказка севера. - Выдохлись. Неожиданная помощь.  
- Изгнание шайтана. - Варварское лечение.

Всю ночь ветер, упорной лавиной скатывавшийся с гор, замёл снегом дороги и тропы и насыпал тяжёлые сугробы.

В 2 часа днём тронулись мы вслед за уехавшей Катей по направлению к Юдымсовам.

Там, за Надеждинском, весна, подснежники и весенние песни... А здесь с игольчатых веток сыплется сухой снег, низкорослый ельник угрюмо молчит. Дорога змейкой ползёт всё дальше и дальше, и каждый шаг уносит от газет, книг, журналов в страну снежных сказок, оленей и чумов... Вспоминаю сказку, услышанную в Бурмантове. Впрочем, сказка ли? Здесь вымысел не отличишь от правды. Её рассказал зырянин, и начинается она так:

- Шибко много оленей было у старого Бешкинцева. Шибко много, первый богач на всю Шайт был.

была у Бешкинцева жена - старуха Лукерья. Толстая, как медведь осенью, зубов нет.

Однажды зимой погнали пастухи оленей Бешкинцева на Урал к пасперу, и он поехал вместе с ними.

Рядом с Бешкинцевым пустил своих 100 оленей Василий Юдымсов. была у Василия дочь Дарья.

Смотрел один вечер Бешкинцев на стада и увидел три луны. Одну луну на небе, а две - на лице Дарьи. Хороша была Дарья. Ни у кого из сосвинских девушек не было таких карих глаз... Правда, у многих на косах куда больше серебряных монет, но зато были ли у кого волосы чернее волос Дарьи?...

Вернулся в чум старик, точно раненный утиной стрелой в сердце. <sup>4</sup>Призвал пастуха и говорит: "Скажи Дарье, если хочет со мной жить, прогони Лукерью."

Передал пастух просьбу хозяина Дарье.

"Хочу, - сказала Дарья, - потому что велика моя любовь к Бешкинцеву. Пусть придёт и ущипнёт за руку."

Молода была девушка, а врала, как лиса. Ей нужен был не старик, у которого вместо кос висели синие хвостики, а тысячные олени стада.

Не захотела выходить Лукерья из своего чума, пускать молодую хозяйку, а через три дня нашли её тело в скалах. Шайтан, видно, унёс, поднял на Пасс-Нер и сбросил на камни.

Недолго прожил Бешкинцев с молодой женой. Приехали русские и увезли старика в самый Тобольск.

Скучал шибко Бешкинцев по молодой жене. Однажды пришёл пастух к нему за приказашиями. Приказал хозяин:

"Ступай в лес, возьми самую крепкую ремённую верёвку и поймай трёх быков. И чтобы у быков копыта были твёрдые, как кремень, и чтобы ноздри работали, как меха, и чтобы в их шкурах не было ни одного свинца и чтобы они бегали, как ветер с гор. Бежать хочу."

Выбрал пастух оленей, пригнал к тюрьме. Бежал Бешкинцев. Ехал день и ехал ночь и ещё день и ночь.

Всего трое суток ехал Бешкинцев. И каждые сутки проезжал полтысячи вёрст. Словно ветер в <sup>о</sup>Грах. Только доехал до своей юрты — пали олени.

Так кончается сказка о старом Бешкинцеве, хитрой девушке и трёх оленях.

Идём гуськом. Снег иногда доходит до колена. Ивдельский КУЛ снабдил нас сапогами, пара которых весит ровно 15 фунтов. Поднимаешь ногу и чувствуешь, что к ней привязана гиря. А Орести нужно 35 вёрст.

Мелкий ельник и сосняк чередуются с болотами, поросшими сосняком, достигающим всего полторы сажени. Идёшь точно в угрюмом яблочном саду, раскинутом на снежной равнине. Белые куропатки, с шумом вынырнув из снега, бегут по насту и исчезают, сливаясь с белым саваном.

Делаем маленький привал и снова дальше.

Наконец, настал момент, когда ноги не в состоянии были двигаться. Осталось одно — развести костёр и дать отдых ногам. Хуже всего



Быстро надвигалась морозная ночь. Вероятно, до Юндымсоса мы не дошли вёрст 6. Но всё равно предстояла перспектива сидеть ночь у костра и считать звёзды.

Неожиданно впереди зазвенел бубенчик. Из-за сосняка вынырнула лошадь, запряжённая в нарты, на которых сидел бородатый плюгавый старичок.

- Садись, подвезу, - крикнул он, лихо поворачивая лошадь.

Повторять приглашение нам не пришлось. Маленькая <sup>мохнатая</sup> лошадёнка лихо затрусилась, а мы завели разговор со стариком.

- Тульский я, - хихикнул старичок, с какими-то ужимками, сверкая одним зубом во рту. - Плохие здесь места. Тайга. Народу мало... А у вас выпить нет? - Он шаркнул пальцем по шее - традиционный жест всех горьких пьяниц.

- Нет.

- Скучно здесь. Я живу с ребятами в двух верстах от Юндымсоса. Услышал, что привезли багаж трёх начальников, а они пешком шлут. Дай, думаю, подвезу...

За разговорами не заметили, как доехали до Юндымсоса. На увале стояли несколько юрт. Юрты большие, чистые.

Вот мои сыновья, - сказал тульский зимогор. Два юнца бойко разговаривали по-остяцки с женщинами.

- Учить их негде, где в такой тайге учить будешь?

- Опоганила твои сапоги, - сказал младший, кивнув на старуху, которая приступила мне голенище. - Ихним бабам нельзя наступать на мужские сапожки.

- Под амбаром тоже нельзя стоять, сказал второй. - Прощлый раз меня остяк так отmaterил, а потом смолой окуривал. Сейчас они нарты окуривают, на которых ваш багаж везли. Шайтанов отгоняют.

Действительно, две женщины, посредством горячего утюга и смолы, с причитанием суежились около нарт.

- Беда учиться хочется, да где здесь учиться, - говорят ребятки.

Большинство женщин в юрте больны трахомой. Болезнь эта вообще



-Откуда?

-зачем?

-Кто будете? Поди - насчёт золота?

-Али лес меряете? -поспались на нас вопросы.

-У нас здесь тоже в прошлом году какие-то люди были, ходили да разные камешки собирали. Много набрали, а все-то одного хорошего не стоят. Выбросить только.

Постепенно завязался разговор. Узнав, что мы посетили Урал и реку Щугор, один зырянин оживился:

-Ой, далеко до Щугора. Наш там зырянин живёт по берегам. Шибко хорошо рыбу ловить в ней сёмгу, в рот возьмёшь, растает. Ой, вкусно-будешь там, попробуй, обязательно попробуй, понравится.

- Здесь рыбу ловим, белку объём, мало-мало утка стреляем, вот и живём. Сам знаешь, видал, когда сюда ехал, болота, лес шибко густой, много всякого зверья кругом.

В избе плавали тучи табачного дыма. Вышли на улицу. Миллионы мигающих светлячков горели на небе, на севере по небу ползали, точно от громадного прожектора лучи, отблески северного сияния.

Утом по реке прогнали стадо оленей. На белой пещене скованной льдом реки чётко обрисовались крупы животных. Впереди на нартах ехал пастух и шипрарыши поминутно кричал:

-Хоок, хоок, хоок!

Сзади бегущих оленей другой пастух подгонял стадо:

- Ит, ит, ит!

Далеко по реке разносились их голоса. Всё стадо загнали в загородку к живущему на окраине посёлка остяку и ловко ремённым лассо поймали свежих оленей для нарт. Это оленье пастухи перегоняли оленей в Урал на летнее пастбище, где всё лето кочуют со своими стадами с места на место.

Тощие лошадки нашего беспечного ямщика за ночь не отдохнули, одна сильно хромала. Взаялся нас увести до Няксимволя хозяин, у которого мы остановились. Днём сытые кони с колокольчиками рысью

рысью вынесли нас из ворот, и поселок скрылся за поворотом.

- Много лосей было в этих краях, - рассказывает дорогой ямщик. - Но сами себе остяки напакостили. По один год снег был очень глубокий, доходивший до семи четвертей. По насту почти всех лосей прирезали. Брали только шкуру, а мясо оросали. Теперь сами же жалеют, что так безрассудно истребили зверя. Теперь его редко где встретишь.

С дороги фелыми комьями снега вылетели куропатки и сажень в трёх уселись в стороне, как бы непрашиваясь на выстрел. Через несколько часов мы вновь пересекли Северную Сосьву и поехали через ырты Искарские. Местное название их - яны-пауль, что значит Большая деревня. Масса амуарчиков с продуктами на высоких столбах.

Под оглушительный лай не одного десятка собак проехали ырты Хол-пауль - средняя деревня. Уже подъезжая к Няксимволю, снова пересекли Северную Сосьву. Вот и Няксимволь, в котором нам придётся жить до вскрытия реки.

/Журнал "Уральский охотник", октябрь-ноябрь 1930г, стр 59-62/

На этом публикация обрывается, но путешествие ещё далеко до завершения. В Няксимволе, стоящем на Северной Сосьве, левом притоке Оби, путешественники прожили около месяца, ожидая вскрытия реки. Вот тут-то и пригоулись охотничьи припасы. Прузья занялись охотой на уток, славали их в факторию /так назывались государственные заготовительно-снабжениеские пункты/, а в обмен получали продукты.

далее слово предоставляется всеволоду Алексеевичу Симонову.

### Н Я К С И М В О Л ь

Няксимволь - большое старинное село, основателями которого были русские купцы, приехавшие сюда за пушниной. Население смешанное: манси, ненцы, ханты. Все эти народности на языке местного русского населения назывались остяками.

здесь мы получили возможность ближе познакомиться с бытом и обычаями аборигенов, выработанными особыми условиями существования.

Одежда жителей была прекрасно приспособлена к лесу. Зимой надевали меховые малицы, летом - суконные курточки - "гуси." На ногах меховые унты, летом кожаная обувь. Все носильные вещи украшались всевозможными вышивками, даже у мужчин. Женщины косы украшали монистами, у многих на пальцах были кольца. Парни уже перестали носить косы.

Основное занятие жителей - оленеводство. Были богатые и бедные в зависимости от количества оленей. Большое подспорье в хозяйстве - охота и богатый рыбный промысел. В реках было много рыбы ценных пород: хариуса, сига, нельмы и других.

Земли На уток охотились без ружей с помощью сети, куда попадали целые стаи.

Бытовала легенда, что манси попадают белке прямо в глаз, чтобы не испортить шкурки. Это ерунда. Стреляли обыкновенной мелкой дробью, но заряды накладывали предельно маленькие.

Некогда в поселке была церквушка, в которой купцы вымаливали себе удачи.

Есть большой магазин - фактория, где торговли совершалась по натуральному обмену: вот тебе шкурка лисицы, а мне два фунта масла.

Есть и школа, где живет учительница с дочкой.

Дома стоят не сплошной улицей, а с разрывом, отгороженные частоколом или пряслом из жердей. В каждом дворе по десятку зверовых собак. Им не дают разгуливать по улицам: нельзя содержать мелкий скот - коз и свиней, - моментально разорвут.

Дома были деревянные, похожие на русские избы, но внутри был глинобитный чумал, а не русская печь. Печенье хлеба в чумалах невозможно. Его пекли в небольших печках, вынесенных наружу. Хлеб не отличался хорошим качеством за исключением приобов. Там более

если их пекли с нельмой или осетриной.

Хозяйки вместо трипок употребляли вошпит - тонко наструганный лук кедра или лиственницы. Вся посуда, за исключением чайной, была железная.

Запомнился такой случай. Мальчик-манси выстрелил из ружья, заряд попал в голову другому мальчику. Единственная аптечка была у нас. И товарищи потребовали от меня выполнить роль хирурга: "У тебя вид интеллигента." Для храбрости заставили выпить водки. Когда я осмотрел рану, то обнаружил: одна прошина прошла чуть выше левого глаза, взорвав кожу около уха. Купа делалась вторая, прошедшая в шею, определить было не в моей компетенции. Залил ранки водом и зашил. На другой день снял шиты и обнаружил, что ранки присохли. А через день раненый бежал уже среди других ребят.

### С А Р А Н П А У Л Ъ

Наконец дождались катера, идущего по поселку Саранпауль, крупного административного центра, лежащего на реке Ляпин, левого притока Северной Сосьвы.

Остановились в доме председателя охотничьего союза Якова, русского, ещё совсем молодого человека, живущего с матерью. Его домик стоял на самом берегу.

В поселке в этот момент проходил съезд туэсовета. Языка мы не знали, поэтому и не посещали заседаний, проходивших в клубе. Прошли по поселку, знакомясь с бытом жителей.

Уже ушёл в предание праздник мелвеля. Однако Яков попросил трёх молодых манси устроить показательный танец. Охотники изображали в танце, как они крадутся к мелвелью, как его застрелили, приговаривая при этом: "Прости нас, миша, тебя убили не мы, а русское ружьё."

### Н А Т Ы Л - Н О Г - И З

Приближался главный момент путешествия - подъём на гору

Тел-Поз-Из. Старый манси долго смотрел в ту сторону, и на его глазах неожиданно показалась слеза, он прошептал: "ах, старость здесь, а молодость там, в горах с оленками."

Ранним утром мы с Николаем в сопровождении Якова вышли из Саранпауля. Нам предстояло пройти 15<sup>0</sup> километров по старой, ныне заброшенной дороге, связывавшей некогда европейскую часть России с Сибирью. Яков загрузил своего верного конягу, привычного к горам, нашим имуществом, начиная с палатки на десять человек, которая нам совсем не пригодилась, мешком со знаменитыми кренделями, с которыми мы никак не могли расстаться, хлебом и другими продуктами. Нас сопровождали две собаки: наш фунтик и волкошвышишиш дав Якова.

Дорога болотистая, утомительная, угнетают марлевые сетки с каплями крови от гноса. Только к вечеру добрались до реки Шугор, притоке Пещеры. К нашему счастью, здесь оказалась большая шива пустующая изба геологов. Долой тяжёлые сапоги-бахилы и марлевые повязки!

Переночевав, с трудом перешли бурную реку. Поражала дикая природа: плоскогорье, покрытое березняком не выше колена, и только в глубоких долинах попадали оазисы смешанных пород. Вперед на склонах гор можно видеть в бинокль чумы оленеволов и стала пасущихся на ягельных полях оленей.

Ещё два дня тяжёлого пути, и мы вышли к такому чуму.

-Пача рума, пача рума! - приветствовали нас его обитатели. здороваемся. Яков передаёт все новости от родных и соседей из Суй-вада-пауля и Саранпауля.

Ночевали в чуме. Распивали чай под долгие разговоры. Манси недоумевали: зачем мы сюда пришли, не имея оленей, и зачем хотим ехать на Тел-Поз-Из.

Переночевав, подготовились к подъёму. Высота горы 1617 метров. Со стороны вершины, расколотой каким-то катаклизмом надвое, несётся ровный гул: ветер дует днём и ночью, не переставая, уже

Поднимаемся по одному из склонов. Уклон не выше 15 градусов. Нога не тонет в твердом фирне. И вот после девятичасового подъема мы на вершине. Трудно передать охвативший нас восторг. Перед взором открываются цепи гор, уходящие за горизонт. На севере поднимается пик горы Сабли, ещё дальше выступает Нароной.

Как читатель мог заметить, на Гору ветров - Тел-Поз-Из - поднимались только двое: Масальский и Симонов. Морозов, у которого жена ждала ребёнка, после ледохода поспешил домой.

Выполнив намеченную программу, Симонов с Масальским пустились в обратный путь, большая часть которого шла по воле на катерах и пароходах: по Северной Сосьве до Берёзова, затем по Оби и Иртышу до Тобольска, оттуда по Тобою до Тюмени. Дальше поездом.

В Берёзове Масальский выступил с докладом об увиденном в пути. В Тобольске путешественники побывали на ферме черно-бурых лисиц, осмотрели музей и сооры. Погарили музеею мелкие предметы быта манси и разные поделки.

Домой вернулись в начале августа. Всё путешествие заняло четыре месяца.



Наш новый автор

БЕЛАВИН ЛЕОНАРД ВАСИЛЬЕВИЧ

по просьбе редакции  
рассказывает о себе.



Родился в 1926 году в г. Ленинграде в семье врача. С 1944г. по 1951г. служил в Советской Армии. В 1957 году окончил медицинский институт в Ростове-на-Дону. С 1959г. по настоящее время работаю врачом-хирургом в 4-м мед-объединении г. Нижнего Тагила, 17 лет заведовал хирургическим отделением. За время ак-

тивной работы произвел около пяти тысяч различных оперативных вмешательств. С 1986 года на пенсии, но работаю. Имею шесть медалей, в том числе "За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг."

С приездом в Нижний Тагил увлекся туризмом, вместе с женой исходил около 20 больших и малых рек Урала, челябинские озера, Карелию, Кавказ, был на Телецком озере. Являюсь групповодом городского бюро путешествий и экскурсий. Любитель камня: не раз бывал на отвалах Евстюнихи, Ватихи, Полевского, на Тысячнице, Хрустальнице, Никелевом руднике и других месторождениях. Имею небольшую минералогическую коллекцию. Любовь в камню привил Пауль Эмильевич Риккерт.

Собираю лесную скульптуру. Со студенческих лет занимаюсь фотолюбительством. В те же годы начал писать стихи. Были отдельные публикации в газетах. Состоял в литературном объединении Нижнего Тагила, но вышел из-за неприятия его ограниченности, отсутствия серьезной теоретической основы и свободы мнений.

Имею две печатные работы по своей профессии. В течение 30 лет пропагандист. Вместе с Владимиром Георгардовичем Дубинским в течение 10 лет вел философский врачебный семинар: "Материализм и медицина".

С женой Ириной Григорьевной как член общества "Знание"

... в лекциях-концертах любовь к природе и русскому

х х

х

Я каждый день вступаю в бой  
За жизнь людей, что сердцу милы.  
И победить любой ценой,  
Спасти их на краю могилы -

Вот мой закон, мой долг и честь.  
А если нынче бой проигран?  
И все же сила в мире есть,  
Чтоб завтра вновь бросаться тигром.

Той силы беспредельна власть:  
То к делу рвение и страсть!

х х

х

Головешки костра на снегу,  
Дым уходит в морозную стынь.  
А мне видятся парни в бреду  
На снегу больничных простынь.

Я руками костер разгребу,  
Я бы душу в парней вложил,  
Не лежать чтобы им в гробу,  
Чтобы каждый смеялся и жил.

х х

х

х            х  
                 х

Белесыми узорами

Расписаны луга.

Ромашки беспризорные

Укрыли берега.

Ковром зеленым высланы

Горбатые хребты.

Навстречу лету высланы

Цветочные посты.

х            х  
                 х

Речка затихла, как спящий ребенок.

Прохлада идет от воды.

Птица в лесу закричала спросонок,

Но не назовет беды.

Небо распахнуто. Редкие звезды

Светят в немой вышине.

Свежестью полон предутренний воздух,

Радостно дышится мне.

х            х  
                 х

х            х  
              х

Белым кружевом  
                  все завьюжило.  
Полумрак ночной  
                  ' надо мной.  
И в гипюр берез  
                  лес одел мороз.  
Новый год пьянит  
                  тишиной.  
А над городом  
                  ярко-молодо  
Крутит праздника  
                  карусель.  
Ожиданием,  
                  обещанием  
Нас нарядная  
                  манит ель.

х            х  
              х

Средь юной поросли стоит  
Согнувшись старая береза.  
Как мать им что-то говорит,  
А на глазах скупые слезы.  
Вся жизнь в борьбе, в труде, в бою.  
За землю, свет и за пространство,  
За независимость свою  
И за святое постоянство.  
О женщина! Ты тоже так!  
Тебе растить, учить, лелеять,  
Не думая, что каждый шаг  
С годами будет тяжелее.

# Х Р О Н И К А К Р А Е В Е Д Ч Е С К О Г О К Л У Б А

/Октябрь, ноябрь, декабрь 1989 года/

17 октября собрание было посвящено по традиции летним поездкам и впечатлениям. Научный сотрудник музея-заповедника Н.Л.Никанорова сделала доклад о поездке по заводам Урала, на которых сохранилась, а в некоторых местах и работает старинная техника. Насыщенный редким фактическим материалом доклад вызвал большой интерес.

М.С.Сироткина поделилась впечатлениями от поездки по Каме и Волге. Л.А.Решетникова, совершившая поездку по маршруту Уфа - Астрахань, рассказала о достопримечательностях Саратова, Астрахани и Тулы. В.А.Шилов ездил в Шадринск на 70-летие своей школы, кратко рассказал об этом городе.

М.П.Рыжова выступила с информацией о хеле борьбы за спасение Высокогорского карьера.

24 и 25 октября Т.М.Сырова и Т.В.Льячков по приглашению краеведческого музея посетили Свердловск-65, где выступали перед краеведами. Т.М.Сырова рассказывала о работе краеведческого клуба, а Т.В.Льячков читал лекцию о династии Семиловых.

26 ноября он выступил с этой лекцией на городском празднике книги, организованном книголюбями Свердловска-65.

28 ноября из-за внезапной болезни докладчика повестка дня оказалась импровизированной, но достаточно насыщенной и интересной. Т.В.Льячков рассказал об истории Свердловска -65. Т.М.Сырова и В.А.Шилов о ноябрьском собрании общества уральских краеведов. Р.А.Решетникова сделала сообщение о предстоящей выставке, организуемой тагильским обществом "Мемориал" в ГК ВЛКСМ, и цикле вечеров, связанных с ней.

12 декабря Е.Н.Вогданова выступила с обстоятельным и, как всегда, интересным докладом об истории тагильских салов XIX-первой половины XXвв.

низованная тагильским историко-просветительным обществом "Мемориал". Одновременно было проведено несколько вечеров: Один из них провёл Иван Трофимович Коверга. В рассказ о судьбах памятников Нижнего Тагила он построил как прогулку по пореволюционному Тагишу, используя увеличенные им старинные снимки. После более чем двухчасовой беседы слушателям не хотелось расходиться.

Опыт соединения выставки и тематически связанных с нею вечеров хорошо бы использовать при проведении мероприятий краеведческого характера.

х х х

Двое членов нашего клуба: Н. П. Охотенко и М. С. Сироткина стали призёрами конкурса знатоков родного края, проведённого городской газетой "Тагильский рабочий" 28 декабря 1989 г/.

Редакция "Тагильского краеведа" поздравляет своих товарищей и желает дальнейших успехов.

ОПУБЛИКОВАНО ЧЛЕНАМИ КЛУБА В "ТАГИЛЬСКОМ РАБОЧЕМ"

31 августа фотография дома, в котором жил Шалва Окулжава, сделанная В. А. Шиловым.

18 октября его же заметка "Чтобы больше не копать!"

26 октября "В объективе - история", подписанная членами редакции нашего журнала, и репродукция старинной фотографии, выполненная И. Т. Ковергой.

28 декабря "В ночь под Рождество" И. Шарамова Орлова.

В журнале "Уральский следопыт" / 1989 г, № 8, стр. 30 / помещена

статья Р. Культиковой "Они подружились в Ишиме."

В журнале "Металлург" / 1989 г, № 7, стр. 54-56 / в качестве иллюстрации к статье Н. Мезенина "Железное кольцо России" напечатаны две фотографии В. Шилова: Невьянская башня и экспонаты открытой экспозиции у здания музея-памятника.

Журнал краеведческого клуба  
"ТАГИЛЬСКИЙ КРАЕВЕД"  
№6 / октябрь - декабрь 1989 года/  
СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Листы

1. М. С. Сироткина. ПО КАМЕ.
5. В. М. Кириллов. РЕАБИЛИТАЦИЯ ЖЕРТВ РЕПРЕССИИ И ДВИЖЕНИЕ  
"МЕМОРИАЛ"
8. Фискинц Эмиль Юдович.
9. Фискинц Э. Ю. ВЕРА АВГУСТОВНА ЛОТАР-ШЕВЧЕНКО.
15. Рикерт И. П. ПАУЛЬ ЭМИЛЬЕВИЧ РИКЕРТ 2 - МОИ ОТЕЦ.
25. БЕЛАВИНА ИРИНА ГРИГОРЬЕВНА.
26. Белавина И. Г. ВОСПОМИНАНИЕ О ПАУЛЕ РИКЕРТЕ.
31. Сырова Т. М. ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ ЗВЕРЕВ.
33. Зверев Л. И. ПЕРВЫЙ МОНОЛИТНЫЙ И "ВЫСОТНЫЙ" ДОМ В НИЖНЕМ  
ТАГИЛЕ.  
Осталось только на фотоснимках.
- 36, 37. ДОМ ЖОНЕСА-СПОНВИЛЛ. Фото. Репродукция И. Т. Коверлы.
38. П. И. МЕНДЕЛЕЕВ ОБ А. О. ЖОНЕСЕ-СПОНВИЛЕ.
39. ЖОНЕС-СПОНВИЛЬ И АНАТОЛИИ ПАВЛОВИЧ ДЕМИЛОВ. Фото.
40. Епанчинцева Е. Н. ИЗ БИОГРАФИИ СТАРОГО ДОМА.
43. УЛИЦА УРАЛЬСКАЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА. Фото. Репродукция И. Т. Ко-  
верлы.
44. Орлов И. А. В ВЫСШЕМ НАЧАЛЬНОМ УЧИЛИЩЕ.
49. Ляпцев К. Ф. П. Д. ДУРНОВО НЕ ДЕМИЛОВ.  
Из старых публикаций.
51. Н. Г. Масальский, В. А. Симонов. В СТРАНЕ МАНСИ.
70. БЕЛАВИН ЛЕОНАРД ВАСИЛЬЕВИЧ.
71. Белавин Л. В. СТИХИ /.
74. Хроника краеведческого клуба / октябрь - декабрь 1989г /

ОТ РЕДАКЦИИ.

К 45-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне "Тагильский краевед" намерен публиковать материалы о трудовых и воинских подвигах, о быте тагильчан, о работе тагильских госпиталей, о культурной жизни города в дни войны. Особенно ценны воспоминания фронтовиков и работников тыла.

Материалы можно передать любому члену редколлегии или в краеведческую библиотеку.

Редколлегия: Е. Н. Епанчинцева /художественное оформление/.

М. П. Рыжова.

Т. М. Сырова /редактор/

Б. А. Шилов.

Тираж 5 экземпляров.

При использовании материалов "Тагильского краеведа" ссылка на журнал обязательна.



